АЛЕКСѢЙ МАСАИНОВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ЛЕГЕНДЫ ОКЕАНІИ

ПАРИЖЪ
НЬЮ-ІОРКЪ
MCMXXVI

Copyright by Alexis Massaïnoff, 1926.

Tous droits de traduction et de reproduction
reservés pour tous pays.

1926
Hollywood, Calif.

Алексею Масанову

Набрано
въ типографіи
«Книгоиздательства
Крылатыхъ».
Отпечатано
въ
Imprimerie
des
Alpes-Maritimes
Nice
1926.

АЛЕКСѢЙ МАСАИНОВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ЛЕГЕНДЫ ОКЕАНІИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
КРЫЛАТЫХЪ

ЛЕГЕНДЫ ОКЕАНІИ

1924—1925

Собраны на о-вѣ Мопити
въ Полинезіи
въ 1924 году

1924 — 1925

ОСТРОВА ВОЛШЕБСТВЪ.

Человѣческая душа растетъ, борясь и живя, въ каждодневномъ напряженіи жизни. Она цвѣтетъ и поетъ, когда для нея наступаетъ сладкій часъ любви.

Океанія, страна влюбленныхъ! Ты даришь людямъ то же волшебство!

Что за божественное упоеніе жизнью охватываетъ душу, когда утромъ у гигантскаго зеркала лагуны, положенной Богомъ у этихъ острововъ, — глаза видящаго слѣпнутъ отъ сверкающаго сіянья и лицо улыбается само собой, поглощая этотъ нетлѣнный свѣтъ!

Тамъ въ водѣ живутъ рыбы, похожія на драгоцѣнности.

Тамъ въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ ни одного опаснаго для жизни животнаго, растутъ орхидеи, манго, хлѣбныя деревья, древовидные папоротники и пальмы и весело сжигаетъ свои дни вымирающее племя, еще не забывшее радости существовать.

Откуда пришло оно?

Изъ Азіи, какъ утверждаетъ большинство изслѣдователей?

Кожа его дѣтей чуть загорѣла, волосы ихъ лишь слабо — и далеко не всегда — вьются, на дальнихъ островахъ среди нихъ я видѣлъ дѣвушекъ съ голубыми глазами и съ золотымъ блескомъ тяжелыхъ свѣтлыхъ косъ.

Приплыло ли оно изъ Америки вмѣстѣ съ теченіемъ, идущимъ къ острову Рождества?

Или, можетъ быть, тайна этого рая ужаснѣе и проще, и вся Полинезія, открытая нынѣ нашимъ глазамъ — лишь обломокъ безмѣрной, погребенной въ вѣкахъ, катастрофы?

Еще донынѣ поютъ пѣсни о потопѣ на этой сладкой землѣ.

До сихъ поръ на двухъ крайнихъ крыльяхъ ея — на Гавайскихъ островахъ и въ Новой Зеландіи — кипятъ гейзеры и дымятъ вулканы.

Тамъ, гдѣ они уже молчатъ — путникъ, приплывающій въ нѣкоторые заливы, гигантскимъ полукольцомъ обнимающіе воду лагунъ, и пораженный ихъ странной красотой, видитъ, что судно его входитъ въ кратеры, огромные, какъ вымыселъ, и уже почти цѣликомъ взятые океаномъ.

Удивительный народъ живетъ на этихъ островахъ.

У него есть даръ веселости, которымъ могутъ быть въ наше время одѣлены только боги.

У него есть даръ чистаго состраданія, что мы, бѣлые люди, такъ часто мѣшаемъ съ грязью нашей европейской нечистоты.

У него есть даръ благородства — героя, для насъ безвозвратно погибшаго на поляхъ Міровыхъ Боенъ.

Наконецъ, у него есть даръ воображенія, настолько высокаго, что, слушая полинезійскіе разсказы, сердце художника трепещетъ отъ счастья и ему порой кажется, что онъ надъ пропастью, ведомъ на высокую гору, гдѣ захватываетъ духъ и откуда рукой можно коснуться звѣзднаго неба...

...Пройдутъ года, страна моя, давшая мнѣ счастье, и твой родъ, любимый мною такъ нѣжно, сложитъ свои кости подъ пальмами и племя твое будетъ лишь однимъ воспоминаніемъ черезъ нѣсколько вѣковъ.

Дай же положить, у твоихъ благоуханныхъ береговъ, книгу, рожденную тобой, гдѣ — думаю съ тайной надеждой — мнѣ удалось заключить частицу твоей души...

— Вотъ какъ это было...

Я путешествовалъ на легкомъ суденышкѣ по Островамъ Товарищества, влекомый нѣжнымъ вѣтромъ.

Вдали замками, купами, сказочными лѣсами выростали облака. Утромъ они были налиты золотымъ сверканьемъ. Вечеромъ они зажигали свои причудливые лиловые, синіе и розовые сады. Зелеными изумрудами подъ ними возникали дальніе острова, скалы и мысы и, уходя дальше,

— превращались въ сапфиры, поглощаемые водой, и я проводилъ на палубѣ сладкія ночи и ослѣпительные дни.

Такъ мы прошли острова Моореа, Райатэа, Уаинэ, Тааа, Бора-Бора,—послѣдній этапъ, за которымъ лежатъ острова Мопити, Мопелія и Тубаи-Ману*), таинственный пріютъ полинезійскихъ душъ.

Всего одна шхуна заходитъ на Мопити разъ въ годъ и островъ доселѣ живетъ своей первобытной, нетлѣнно сохранившейся жизнью.

Когда судно мое показалось у устья длиннаго и узкаго входа въ лагуну — на берегу уже ожидала толпа. Очаровательные дѣтишки, нагіе и смѣшливые, важные, довольно улыбающіеся старики, любопытствующія женщины, одѣтыя по большей части въ парео**), спрудились на пристани подъ горою Урафаатія, осѣняемые ея густой тѣнью.

Какимъ миромъ вѣяло отъ этихъ береговъ, еще не задѣтыхъ культурой!

Какой наивной простотой былъ полонъ этотъ смуглый, статный народъ!

Всего одинъ человѣкъ — Намота Терейтуа говорилъ по-французски. Онъ былъ крѣпко сложенъ, кривъ на одинъ глазъ и широколобъ. Коротко стриженный, могучій и улыбающійся, онъ походилъ на добродушнаго лѣсного звѣря. Онъ взялъ мои вещи и понесъ въ свою хижину.

Толпа слѣдовала за нами, какъ шествіе. Она остановилась передъ домомъ Намоты и ждала... Чего?

Взглянуть на существо, пріѣхавшее изъ другого міра, откуда приходятъ эти удивительныя чудеса: платья, молоко въ коробкахъ, стеклянные браслеты и бездѣлушки, чемоданы, открываемые и запираемые таинственными способами, наконецъ, большія суда, чьи громадные профили раза два въ годъ, важно проходятъ на горизонтѣ.

Вечеромъ, когда прохлада улеглась у горъ, на площадь

---

*)Названія острововъ начертаны мною согласно мѣстному произношенію.

**)Парео — широкій кусокъ красной или синей матеріи, испещренной бѣлыми цвѣтами; оно служитъ туземцамъ основной одеждой на Островахъ Товарищества.

деревни высыпало все ея населеніе. Женщины, одѣвшія свое лучшее — бѣлыя платья, — сидѣли отдѣльно отъ мужчинъ.

— Іорана! — Здравствуй! — прошелестѣла толпа, привѣтствуя гостя. Шефъ повелъ меня на крыльцо, посадилъ на плетеный стулъ — и полились пѣсни.

Когда умолкли женщины, — полунагіе танцоры, одѣтые въ родъ короткихъ юбокъ, сдѣланныхъ изъ листьевъ пандануса, выскочили имъ на смѣну; забили барабаны; толпа захлопала въ ладоши.

Красивая свѣтловолосая дѣвушка съ достоинствомъ сидѣла въ углу, съ любопытствомъ смотря на иностранца.

— Тебѣ нравится моя дочь? — съ гордостью спросилъ шефъ. — Ей 16 лѣтъ. Можетъ быть ты хочешь взять ее себѣ въ жены?

— Спасибо — улыбаясь, отвѣтилъ я. У меня уже есть жена и я люблю ее, шефъ.

— Ага! и она тоже королевскаго рода? — наивно полюбопытствовалъ тотъ.

— Нѣтъ — засмѣялся я. — И у насъ въ Россіи уже нѣтъ короля.

— Умеръ? — сказалъ шефъ, соболѣзнуя.

— Нѣтъ. Убитъ.

— Громомъ? — воскликнулъ спрашивающій не безъ ужаса.

— Хуже. Своими бывшими подданными! — съ нѣкоторымъ затрудненіемъ добавилъ я.

Откинувшись на спинку своего стула, океаніецъ смотрѣлъ на меня со страхомъ. Его простое, открытое и красивое лицо болѣзненно морщилось, стараясь понять то, что я только-что сказалъ.

— Какъ! — наконецъ простодушно зашепталъ онъ... Развѣ можно убивать короля? Ну, если не нравится — пусть вышлютъ его, отправятъ къ намъ на далекій островъ; мы дали бы его сыну хорошую дѣвушку, еслибы онъ захотѣлъ

жениться. Ай-яй-яй-яй-яй! И зачмокавъ въ знакъ сожалѣнія, онъ сказалъ просто и рѣшительно:

— Народъ не имѣетъ права убивать никого на свѣтѣ. Мы никого не убиваемъ, другъ.

И съ возбужденіемъ вскочивъ со своего кресла и страшно закричавъ, онъ бросился что-то разсказывать людямъ, показывая на меня. Толпа сразу смолкла.

Десятки черныхъ, укоризненныхъ, по-дѣтски глядящихъ глазъ смѣривали меня, вопрошая. Нѣсколько женщинъ со страхомъ показали на меня своимъ маленькимъ.

Ставка европейца съ «дикарями!»

Съ ясностью почти осязаемой я увидѣлъ, что эти простые люди осуждали меня даже за то, что я принадлежу къ племени, совершившему такой презрѣнный поступокъ.

На другой день уже никто изъ встрѣчныхъ не говорилъ мнѣ: «іорана!», кромѣ Намоты и его племянницы, красивой дочки шефа, Пепе.

Втроемъ съ ними, по глухимъ тропинкамъ, среди зарослей ванили, арумовъ и кофе, мы пошли вокругъ острова въ ранній часъ.

Рыбаки ловили своихъ рыбъ. Дѣтишки бѣгали по песку, гоняясь за крабами.

У подножія горы Урафаатія Намота мнѣ разсказалъ красивую легенду о ея гигантахъ. Когда мы достигли двухъ круглыхъ базальтовыхъ скалъ на противоположномъ берегу, спутникъ мой показалъ на нихъ и промолвилъ серьезно:

— Вотъ это тѣла двухъ братьевъ, побѣжденныхъ гигантомъ спрутомъ. Тутъ былъ бой. Спрутъ облилъ ихъ черной своей жидкостью, и они окаменѣли. Но они еще живы и ночью бесѣдуютъ между собою. Они очень любили другъ друга. Послѣ спрутъ былъ убитъ великимъ Хиро. Я тебѣ покажу его окаменѣлый корабль, на которомъ онъ въ одну ночь облетѣлъ всѣ концы и всѣ земли океана...

Но прежде чѣмъ увидѣть корабль Хиро, я услышалъ легенду о волшебникѣ Ора, жившемъ на скалѣ и превращенномъ въ баньянъ и о мальчикѣ - Совершенство и о красавицѣ Терай-Вагинэ, влюбившейся въ гиганта Путо-Тоура, а веселая Пепе, увидѣвъ радугу, пролепетала мнѣ о счастливой Меріо, королевѣ рыбъ и радугъ.

И я не замѣтилъ, какъ въ этихъ разсказахъ прошелъ весь день и закатное солнце уже осыпало золотомъ океанъ.

Сладкій восторгъ человѣка, прикоснувшагося къ сокровищамъ красоты цѣлаго народа, такого необычнаго и почти неизвѣстнаго намъ, овѣялъ меня.

— Откуда ты знаешь эти легенды? — спросилъ я Намота. Вѣдь онѣ считаются потерянными...

— У меня былъ дѣдъ, любитель этихъ разсказовъ. Онъ оставилъ послѣ себя записанную имъ на нашемъ языкѣ книгу. Я читалъ ее почти каждый день и выучилъ ее слово въ слово.

Тѣ 4 дня, въ продолженіе которыхъ я слушалъ легенды, повѣствуемыя мнѣ Намота, были для меня днями высокаго счастья. Когда работа была закончена, любопытствующій разсказчикъ спросилъ меня:

— Для чего ты ихъ записывалъ, скажи мнѣ? Для того, чтобы читать ихъ каждый день, какъ дѣлалъ и я когда-то?

— Нѣтъ, для того, чтобы ее читали и другіе. Я соберу твои разсказы въ книгу и подарю ее инымъ странамъ...

— Скажи мнѣ, что же это за страны? — скрещивая свои ноги подъ пальмою, дѣловито зашепталъ Намота. — Говорятъ, у васъ есть хижины, построенныя изъ камня и гдѣ живетъ болѣе двухъ сотенъ людей?

— Нѣтъ, мой другъ, тамъ есть хижины, въ которыхъ живетъ 40.000 людей и даже болѣе.

Собесѣдникъ мой раскрылъ свой здоровый глазъ, не вѣря.

— Да, тамъ есть хижины въ 55 этажей. Тамъ есть люди, имѣющіе столько денегъ, что каждый изъ нихъ можетъ

купить всѣ острова Тихаго Океана—и есть люди, во много разъ болѣе бѣдные, чѣмъ ты, Намота, ибо они голодны, а на улицахъ городовъ не растетъ для голодныхъ хлѣбныхъ деревьевъ.

И я не очень люблю этотъ неправый міръ, мой простой другъ. Я предпочитаю жить въ своемъ собственномъ царствѣ.

— Ага, вѣдь мы же не даромъ говорили, что ты изъ королевскаго рода.

— Это можетъ быть потому, что я дѣйствительно повелитель — улыбнулся я.

— Разскажи же тогда о твоемъ народѣ.

— Онъ прекрасенъ, Намота, потому что онъ безплотенъ и воздушенъ, какъ вѣтеръ, какъ эти облака. Поэтому я не имѣю надобности заботиться о его пропитаніи.

Напротивъ, самъ онъ приноситъ мнѣ пищу болѣе вкусную, чѣмъ ваши бананы и манго.

— Ты разсказываешь мнѣ легенду! — засмѣялся добрый океанійскій звѣрь.

— Ничуть — отвѣтилъ я уже серьезно. — Мое царство чудесно, Намота, какъ можетъ быть волшебенъ твой сонъ, когда тебѣ снятся иныя земли. Поистинѣ это самое прекрасное изъ всѣхъ королевствъ міра, хотя иногда тамъ тоже гудитъ буря и народъ мой возмущается и терзаетъ меня и ведетъ меня къ чернымъ ущельямъ, гдѣ стонутъ страшные призраки и костистыя лапы чудовищъ протягиваются, желая меня разорвать.

Но я знаю магическое слово — и когда я произношу его — стѣны ущелій раздвигаются и я выхожу на волшебный лугъ, усѣянный цвѣтами.

Тамъ играютъ дѣти и юноши, и дѣвушки плетутъ вѣнки и поютъ о счастьи жизни. Тамъ высятся свѣтлые храмы Божеству, постигаемому мной, и когда я въ нихъ вхожу, душа моя растетъ и звенитъ такъ же, какъ звенитъ она здѣсь, въ Океаніи.

Тамъ нѣтъ убійства. Тамъ нѣтъ насилія.

Тамъ царствуетъ извѣчный божественный порядокъ безъ принужденія и безъ злой воли, и, ощущая его, я самъ становлюсь чище и свѣтлѣе — почти такимъ, какъ ты, простая человѣческая душа.

Туда, черезъ бирюзовыя ворота неба, стекаются ко мнѣ подвластныя мнѣ безплотныя существа — тѣ, что не знаютъ бурь и бунтовъ. О, если бы ты видѣлъ ихъ нетлѣнную красоту! Я никогда не могу передать ее точно испепеляющими ее словами.

Они просятъ у меня счастья, движенія, жизни. Они тѣснятся вокругъ меня и умоляютъ пустить ихъ въ подлунный міръ, въ огромныя каменныя хижины, съ тысячами оконъ.

Я долго противлюсь этому, ибо счастье жить съ ними сильнѣе радости существованія ихъ въ плотскомъ мірѣ. Но приступъ ихъ становится все настойчивѣе. Они будятъ меня ночью, тревожатъ и томятъ — и, наконецъ, сильные своею единою волей — озаряютъ меня всей ослѣпительностью своего огня. Тогда, просвѣтленный, я беру свою волшебную палочку, что сдѣлана изъ изголовья колыбели, въ которой качала меня моя мать.

Я прикасаюсь ею къ каждому изъ своихъ подданныхъ.

И тотчасъ же они принимаютъ плоть и, опьянѣвшіе отъ радости, свергаются внизъ, въ буйныя человѣческія души.

— Стой! — закричалъ Намота съ горящими глазами. — Я понялъ, что ты хочешь сказать. Эге! Ты самъ выдумываешь разныя красивыя легенды, подобныя тѣмъ, что я тебѣ только что разсказалъ. Коснись же — и моихъ твоею волшебной палочкой, передъ тѣмъ какъ выпускать ихъ въ подлунный міръ.

...Теперь я ихъ коснулся, Намота, сынъ моря. Ты

увидишь, что онѣ стали немного красивѣе, но это не моя красота.

Счастье Океаніи подарило ее мнѣ въ моемъ волшебномъ царствѣ...

14 августа 1925.
Санъ-Бернардино.
Калифорнія.

Фотографія автора

Образецъ чистой полинезійской расы. Рыбакъ съ острова Мопити со своей семьею

Photo Mrs K. Speirs.

На островѣ Райатэа

Photo Mrs K. Speirs.

Океанійская семья

ЛЕГЕНДА О МЕРІО,

КОРОЛЕВѢ РЫБЪ И РАДУГЪ.

Такъ говорила Пепе:

— Какая красивая радуга поднялась надъ океаномъ! Ты никого не видишь на ней?

А я вижу! Хочешь я разскажу тебѣ объ этомъ сказку? Сядемъ сюда подъ пальмами, возьми этотъ цвѣтокъ и послушай, какъ онъ нѣжно пахнетъ.

Охъ, ты совсѣмъ раздавилъ маленькаго крабба, бѣгущаго въ свой домикъ. Дай и ему посмотрѣть на радугу. Нѣтъ, пусть лучше онъ послушаетъ нашу сказку о его королевѣ.

Если ты понимаешь его языкъ, онъ тебѣ промолвитъ совсѣмъ-совсѣмъ тихо, что его королеву зовутъ Меріо.

Знаешь, кто такая была Меріо?

Меріо была молодая дѣвушка, жившая на островкѣ Тоатауту противъ о. Райатэа въ лагунѣ.

Она была веселѣе всѣхъ своихъ подругъ и плавала лучше самихъ дельфиновъ.

Однажды, послѣ плясокъ, поѣхала она подъ вечеръ

къ себѣ на островокъ въ очень дурную погоду.

Пирога ея прыгала, какъ дикій конь; волосы дѣвушки летѣли за нею по вѣтру совсѣмъ какъ черный флагъ на мачтѣ.

Тутъ Вѣтеръ схватилъ свою раковину и затрубилъ ей въ уши, пролетая:

— Обернись ко мнѣ, Меріо! Я спалъ въ глубокомъ подземномъ ущельи, когда услышалъ плачъ — морскихъ рыбъ, у которыхъ нѣтъ властительницы. Они просятъ тебя быть своей королевой и править ими, красивая дѣвушка.

Хочешь пойти за мною? Ты будешь сидѣть на сіяющей звѣздѣ и владѣть всѣми богатствами океана!

— Уходи отъ меня, Тупапау*)! — крикнула Меріо капризно и стала собирать свои растрепанные волосы.

— Меріо, гибкая рыбка! — звенѣлъ снова Вѣтеръ. — Вотъ радуги встаютъ надъ островомъ Уаинэ. Онѣ покраснѣли отъ слезъ, плача на своихъ высотахъ отъ тоски по тебѣ, Меріо! Хочешь быть королевой радугъ и повелѣвать вѣтрами — ты, нѣжный человѣческій цвѣтокъ? За мною, летимъ за мною на твое новое царство!

Тутъ гигантская пѣнная волна хлестнула, перевернувъ пирогу.

Двѣ невиданныя рыбы осторожно подхватили дѣвушку себѣ на спины — и когда Меріо открыла глаза — она увидѣла себя въ глубокомъ коралловомъ гротѣ.

Одѣтая въ искрящуюся мантію — она сидѣла на сіяющей звѣздѣ, окруженная всѣми рыбами океана. Высокіе морскіе цвѣты кланялись ей и лепетали свои привѣтствія нѣжныя океанскія травы. Рыбы музыканты, раздуваясь, какъ пузыри, хоромъ трубили ей славу въ перламутровыя раковины.

Рыбы-иглы, рыбы-пилы, рыбы-ежи, рыбы-волки, морскіе драконы, морскіе вороны и электрическіе скаты

*) Тупапау — оборотень, духъ, мѣшающій людямъ.

окружали ея тронъ тѣсной толпой тѣлохранителей.

И несмѣтныя полчища ея новыхъ подданныхъ, выражавшихъ ей свою покорность, плыли передъ нею.

Впереди скакали морскіе коньки.

За ними, веселя глаза, — переливались тысячью цвѣтовъ, мѣняя ихъ ежесекундно, радужныя рыбы — Паати.

Моники — рыбки-зебры — мчались за ними, пуская кверху серебряные пузыри.

Игу — рыбы-попугаи, зеленыя, какъ изумруды и голубыя, какъ сапфиры—плыли впереди новыхъ войскъ.

Среди нихъ были стада рыбъ Пораха — чьи тѣла были испещрены золотыми и коричневыми полосами. Какъ огромныя фіалки, цвѣли ихъ глаза.

Полосатые Ооири, несущіе на спинѣ длинный гибкій усъ, окружали гротъ, давая дорогу дельфинамъ и китамъ, за которыми бѣжали рыбы Тарао, усѣянныя, какъ цвѣтами, коричневыми пятнами — и всѣ они называли Меріо королевой рыбъ и радугъ.

Послѣ рыбы-свѣточи, съ глазами блестящими, какъ голубые огни, повели ее осматривать ея новыя богатства.

Онѣ показали ей груды золота, собраннаго съ погибшихъ кораблей, и, проведя ее въ жемчужный гротъ, крикнули раковинамъ и раковины раскрылись сами собою. Несмѣтное количество бѣлыхъ, золотыхъ, голубыхъ и розовыхъ жемчужинъ разсыпалось передъ Меріо. Украсивъ себя самымъ лучшимъ ожерельемъ изъ нихъ, она вступила въ слѣдующій гротъ, гдѣ хранились кораллы.

Тамъ сверкали кораллы синіе, какъ полдневное небо, лиловые, какъ сокъ «феи»*), красные, какъ вино, розовые, какъ ибискусы, Тіарэ Пити, цвѣты влю-

*) «Феи» — дикіе лѣсные бананы чрезвычайно красиваго оранжеваго цвѣта. Сокъ этихъ растеній идетъ на окраску матерій.

бленныхъ.

Въ серединѣ грота на огромномъ водяномъ цвѣткѣ лежала жемчужная корона.

— Надѣнь ее, королева! — запѣли рыбы.

Меріо коснулась ею своихъ волосъ — и задрожала, вдругъ почувствовавъ, что ноги ея превращаются въ хвостъ, блестящій алмазной чешуею, и она получаетъ возможность двигаться быстрѣе всѣхъ своихъ рыбъ.

Приплыла она къ себѣ въ гротъ и заплакала о томъ, что перестала быть человѣкомъ.

Не долги были ея слезы.

Неожиданно въ гротѣ раздался гулъ и три Дѣвы Вѣтра слетѣли къ ней черезъ узкую воронку кипящихъ водъ и повлекли ее за собою, къ радугѣ, упиравшейся въ море.

— Иди по ней, королева! — закричали онѣ Меріо. — Утѣшься радостью небесъ! Они зовутъ тебя повелѣвать ими, — повелѣвай, будь властительницей дождей!

И снова почувствовавъ свои быстрыя ноги, легче птицы взлетѣла Меріо на вершину радуги подъ облаками и увидѣла весь міръ.

— Здравствуй, королева! — закричали ей облака. — У насъ было много силы, но мы не знали, куда ее дѣвать. Пролетая надъ Райатеа, мы влюбились въ твою красоту и пожелали, чтобы ты правила нашей мощью. Соедини насъ съ землею, Меріо. Мы такъ любимъ смотрѣть на пальмы и хлѣбныя деревья, когда они шумятъ.

Взмахнула Меріо правой рукой — и тамъ встали радуги и пошелъ дождь.

Лѣвой рукой взмахнула она — и облака перенеслись въ другую сторону и новая половина неба пролилась дождемъ.

И въ радости Меріо захлопала руками:

— Какъ хорошо здѣсь, мои вѣтры!

— Какъ привольно тутъ, мои радуги!

Такъ она жила — то уплывая въ глубины, то выбѣгая на радуги и обозрѣвая радостный міръ — и была счастлива счастьемъ души, владѣющей вселенной.

Но тамъ на берегу, на маленькомъ островѣ Тоатауту, обмываемомъ вѣтрами и соленымъ моремъ, родители ея не знали утѣшенія, и глаза ея матери слабѣли отъ слезъ.

Однажды ночью они сидѣли одиноко у лагуны и смотрѣли на ея мерцающій свѣтъ.

— Гдѣ наша дочка? — сказалъ отецъ съ тоскою.

— Я здѣсь! — услышалъ онъ ея голосъ и вдругъ вся лагуна сдѣлалась прозрачной какъ воздухъ и родители увидѣли свою дочь на сіяющей звѣздѣ въ ея новой славѣ.

Удивленные, они очнулись только подъ утро.

Вдали шелъ дождь.

Блестящій конецъ радуги упирался въ ихъ островокъ; Меріо стояла на ней и, сверкающая, гнала тучи; отправляла грома въ ихъ воздушные дома и яркою улыбкой осѣняла и Воду и Землю.

Съ тѣхъ поръ не плакали больше родители Меріо и когда видѣли радугу, говорили другъ другу:

— Вотъ наша дочь вышла посмотрѣть на свое царство и улыбнуться людямъ своей слѣпительной улыбкой.

Какъ высока нынѣ ея слава!

Какъ чудно, что силою неба и воды правитъ человѣческая душа!

ЛЕГЕНДА О ТАУРУХУА,

РЕБЕНКѢ - СОВЕРШЕНСТВО.

На островѣ Мопити, на маленькой горѣ Тараэ, поближе къ людямъ, жилъ добрый духъ Туатау, любитель пѣвчихъ птицъ.

Подъ огромнымъ баньяномъ былъ построенъ его легкій домъ. Всѣ птицы океана, одаренныя сладкими голосами, прилетали къ нему на пути веселить его мягкое сердце.

Тамъ, уже подъ старость, родился у него единственный сынъ Таурухуа, голубоглазый цвѣтокъ, красивый, какъ утро.

Его тѣло было настолько прекрасно, что когда онъ купался въ океанѣ, волны затихали у его ногъ и все великое пространство водъ пѣло славу человѣческому существу, болѣе красивому, чѣмъ цвѣты и птицы.

Но умеръ отецъ Таурухуа и мать его Тэарэ-вагинэ взяла заботу о его пропитаніи.

Каждое утро спускалась она съ горы къ морю на

поиски съѣдобныхъ раковинъ для своего дитя и маленькихъ рыбокъ Оири самой себѣ въ пищу.

Однажды услышала она, какъ море говорило ей:

— Я обтекаю всѣ страны міра и всѣ острова земли. Будь счастлива, Тэарэ-вагинэ! Нигдѣ нѣтъ ребенка, столь прекраснаго, какъ твой сынъ. Если ты сдѣлаешь его совершеннымъ существомъ и онъ не сотворитъ въ своей жизни ничего дурного — я разскажу ему въ день его совершеннолѣтія всѣ тайны земли и онъ станетъ самымъ великимъ изъ живущихъ подъ солнцемъ.

Загорѣлось сердце матери отъ словъ, пропѣтыхъ ей вѣчной влагой, и стала она думать о томъ, какъ сдѣлать свое дитя существомъ самымъ совершеннымъ на землѣ.

И такъ говорила она ему:

— Сынъ мой! Каждый изъ насъ рождается для того, чтобы быть счастливымъ и сдѣлать счастливыми другихъ. Не знай зла. Не убивай никого ни своею, ни чужою рукою, питайся рыбами, раковинами и плодами, ибо рыбы не имѣютъ мысли, а плоды не знаютъ, что такое боль.

Не разжигай голубыхъ своихъ глазъ на чужое, ибо оно не принадлежитъ тебѣ, а если возьмешь его, ты будешь наказанъ смертью.

Будь веселъ, сынъ мой, ибо веселье — даръ боговъ, вино солнца, радость жизни, потому будь веселъ, сынъ мой — и ты станешь существомъ, самымъ совершеннымъ на землѣ.

Какъ-то король острова Бора-Бора поѣхалъ на о. Мопелію для поиска чудеснаго камня Ура, желая украсить имъ свою корону, и на пути остановился на Мопити.

Еще не смолкли пляски на мараэ Девай-хау, гдѣ королю была устроена торжественная встрѣча — какъ бѣшено разыгрался океанъ.

Напрасно король, торопившійся поѣздкой, пробовалъ выбраться изъ лагуны въ открытое море — три раза волны выбрасывали огромную королевскую пирогу обратно.

Испуганная бурей королева, плача приказала причалить снова къ острову, пережидая непогоду.

И сказали старики королю:

— Живетъ у насъ на горѣ Тараэ ребенокъ чудной красоты. Когда онъ поднимаетъ свои маленькія ручки — море тотчасъ же успокаивается, какъ ягненокъ. Возьми его на свой корабль и ты проѣдешь свободно.

Послалъ король своихъ слугъ за Таурухуа, но когда тѣ увидѣли подъ баньяномъ маленькое дитя, игравшее съ кошкой, — засмѣялись они надъ стариками и возвратились обратно, говоря:

— Мы не взяли его, король, потому что это ребенокъ нѣжный, какъ лепестокъ цвѣтка. Ему ли укрощать бури?

Но старики отвѣтили посламъ:

— Или вы не замѣтили его божественной красоты? Или не видѣли его чудныхъ глазъ, струящихъ тихій свѣтъ для тѣхъ, чье сердце полно любовью? Мы говорили именно про это дитя.

И слуги пошли снова.

Въ это время, сидя въ своей хижинѣ, мать Таурухуа говорила ему, плача:

— Мужайся, любимый мой! Сейчасъ ты отправишься въ дальній путь, на островъ Мопелію вмѣстѣ съ королемъ о. Бора-Бора. Не бойся ни моря, ни чудовищъ, ни гигантовъ — бойся самого себя, сынъ мой. Это твой главный врагъ. Когда, передъ разсвѣтомъ, ты пройдешь мимо дома гигантовъ Фарэ-Тоа — они всѣ будутъ спать и не сдѣлаютъ тебѣ ничего дурного. Тогда пѣтухъ пропоетъ первый разъ. Когда ты будешь миновать мѣстечко Намуту — пѣтухъ пропоетъ второй

разъ. На зарѣ ты прибудешь въ деревню Вайао, гдѣ ждетъ тебя король, сидя подъ деревомъ на камнѣ. Если все случится такъ, какъ говорю я — ты долженъ вѣрить и въ мой завѣтъ. Не служи дурному, не бери чужого — ни хлѣба, ни кокосоваго орѣха, ни воды, иначе ты будешь наказанъ смертью.

Все случилось такъ, какъ сказала Таурухуа его мать.

Увидѣвъ слабаго мальчика, король спросилъ его недовѣрчиво:

— Правда ли, что ты можешь провести мой корабль черезъ бурю на островъ Мопелія, дитя?

— Правда, — отвѣтилъ мальчикъ тоненькимъ голоскомъ. — Поднимай паруса. Вѣтеръ намъ попутный.

И, вставъ на носъ судна, простеръ свои ручки — и тотчасъ же улеглась буря и затихъ громъ и королевскій корабль прошелъ черезъ узкое горло лагуны, какъ по воздуху.

На другія сутки пловцы благополучно прибыли въ Мопелію.

Много дней безплодно искалъ король драгоцѣнный камень Ура для своей короны. Наконецъ, уставъ отъ поисковъ, сказалъ Таурухуа:

— Можетъ быть ты, поможешь мнѣ, волшебное дитя? Я перерылъ весь островъ — и все еще не могу найти камня, за которымъ я пріѣхалъ.

А если я не украшу имъ своей короны — чѣмъ она будетъ отличаться отъ коронъ остальныхъ королей, Таурухуа? Если короли управляютъ народами, то королями правитъ Тщеславіе, дитя.

Сѣлъ мальчикъ верхомъ на большую черепаху, грѣвшуюся подъ солнцемъ, и сказалъ ей:

— Ты лежишь на берегу и ведешь разговоры съ песчинками и вѣтрами всезнайками. Они должны разсказать тебѣ, гдѣ находится чудесный камень Ура. Покажи мнѣ его домъ, черепаха.

Поползла черепаха къ дуплу хлѣбнаго дерева и, кивнувъ головой, показала Таурухуа мѣсто, гдѣ былъ спрятанъ камень.

Засунувъ руку, Таурухуа нашелъ его между листьями и, обрадованный, отдалъ королю.

Въ этотъ самый мигъ черепаха упала мертвой.

— Очнись, очнись, доброе животное! — заплакалъ мальчикъ, цѣлуя черепаху. — Я не хотѣлъ тебѣ сдѣлать зла!

— Мальчикъ, она и ты служили Тщеславію, — услышалъ онъ суровое пѣніе океана, — ты уже пересталъ быть ребенкомъ, самымъ совершеннымъ на землѣ.

...Осчастливленный, выѣхалъ король обратно домой, но бурно было это плаваніе.

Напрасно ребенокъ простиралъ свои ручки надъ океаномъ — онъ ему не повиновался. Огромныя волны хлестали въ корабль.

Вѣтеръ сорвалъ паруса и мачту. Дорога была потеряна. Корабль крутился по океану много дней.

На суднѣ не стало воды. Всѣ кокосовые орѣхи, чей сокъ пловцы пили ранѣе, были снесены съ палубы въ море и Таурухуа невыносимо страдалъ отъ жажды.

Однажды онъ увидѣлъ сосудъ съ водою, приготовленной для умыванія королевы, и сказалъ самому себѣ:

— Нельзя трогать чужого, говоритъ моя мать! Но развѣ хорошо лить воду для своихъ умовеній, когда остальные мучатся отъ жажды? Не ласкала ли меня королева на Мопеліи, не говорила ли она, что любитъ меня, какъ родное дитя? Для чего же она прячетъ воду для своего лица и не даетъ ее мнѣ, умирающему отъ жажды?

И, взявъ кувшинъ, поднесъ его къ губамъ.

Но едва сдѣлалъ онъ первый глотокъ, тотчасъ же упалъ мертвымъ.

Завылъ вѣтеръ и понесъ судно на Мопити. Когда пловцы пристали, король взялъ безжизненное тѣло мальчика на руки и отдалъ матери, кричавшей на берегу, отъ горя.

Невиданные цвѣты выросли на могилѣ Таурухуа.

Чайки принесли по камню въ клювѣ и насыпали надъ нимъ большой курганъ.

А мать Таурухуа ходила вокругъ острова и плакала такими горючими слезами, что онѣ, падая въ песокъ, тотчасъ же превращались въ черные круглые камни.

Вотъ отчего такъ много камней на берегахъ острова Мопити.

ЛЕГЕНДА О НИНАХЕРЭ,

БОГѢ МОРЯ.

Въ то время, когда сердитый Отито и жена его Херэхія, властелины подводнаго царства, уже приближались къ закату своихъ дней — неожиданно родился у нихъ сынъ.

Была ночь, всѣ свѣтящія рыбы уже пошли спать и подъ водою было плохо видно.

Положила Херэхія своего сына въ люльку, а утромъ, когда забрезжилъ сверху зеленый свѣтъ, увидѣла, что вмѣсто ребенка тамъ лежитъ одна морская тина.

Кто превратилъ мое дитя? — закричала Херэхія, рыдая и поднимая на океанѣ бурю, и съ гнѣвомъ отчаянія бросила тину спруту, сторожившему дворецъ.

Спряталъ спрутъ ее въ свой воздушный мѣшокъ и тамъ, спустя нѣкоторое время, неожиданно тина превратилась въ человѣка.

Въ самыхъ отдаленныхъ пропастяхъ воспитывалъ спрутъ свое дитя.

Онъ училъ его плавать лучше всѣхъ рыбъ, прятаться въ коралловыхъ гротахъ, воевать съ чудовищами, ревѣть и свистѣть такъ, чтобы воды возмущались и съ неба къ водѣ падали со страха облака, и далъ ему имя Нинахерэ, что значитъ сынъ спрута.

Уже возмужавъ, увидѣлъ Нинахерэ, однажды, стада китовъ, плакавшихъ отъ горя, и, спросивъ, въ чемъ была ихъ печаль, узналъ, что Отито и Херэхія спустились въ водную бездну, не знающую дна, и превратились тамъ въ двѣ блуждающія горы и царство ихъ кончилось на всѣ времена.

Тогда, сѣвъ на своего спрута, Нинахерэ поѣхалъ брать ихъ престолъ...

И такъ былъ онъ могучъ и такъ былъ великъ спрутъ, его второй отецъ, что всѣ силы водъ и подводныхъ скалъ покорились ему безпрекословно, и стала вся Влага Земли его царствомъ.

Былъ Нинахерэ суровъ и любилъ онъ дикія забавы.

Любилъ онъ лить воду въ горячія подводныя пропасти и видѣть, какъ на воздухъ выходитъ отъ этого бѣлый паръ, любилъ гнать волны на острова и сокрушать ими пальмы, любилъ скакать по вольному океану, бѣлому, какъ кокосовое молоко, и ухать отъ радости.

Однажды ночью собралъ онъ косточки дерева Тиаири, воспламеняющіяся быстрѣе сѣры, и, сдѣлавъ изъ нихъ себѣ факелъ, отправился на ловлю летающихъ рыбъ.

Двѣ прекрасныхъ и веселыхъ феи Вѣтра увидѣли его огонь и закричали ему лукаво:— Почему ты такъ суровъ, Нинахерэ? Правда ли, что ты самый страшный изъ всѣхъ боговъ? Пойдемъ съ нами въ нашъ звѣздный домъ. Оттуда ты увидишь твой океанъ, весь искрящійся отъ блеска, сердитый богъ. Мы будемъ танцевать тебѣ и пѣть пѣсни. Что же ты молчишь, нелюдимъ? Или ты опять хочешь устроить бурю?

Ничего не сказалъ Нинахерэ, только нахмурилъ брови и повернулся спиною къ феямъ.

Оскорбленныя невниманіемъ, тѣ спустились къ океану и возмутили воду, прогнавъ отъ Нинахерэ всѣхъ рыбъ.

— А! — закричалъ раздраженный богъ. — Вы хотите мѣриться со мною силою, болтушки? — и собравъ между своими руками океанскіе валы, хлестнулъ ими вслѣдъ убѣгающихъ фей.

Далеко-далеко разбилась волновая пѣна, но не испугала воздушныхъ проказницъ. Со смѣхомъ улетѣвъ подъ небо, онѣ стали дуть на море, желая перевернуть пирогу Нинахерэ.

Засвистѣли вихри, бѣлые духи запрыгали по океану, закрутились смерчи.

Въ отвѣтъ, заревѣвъ отъ гнѣва, богъ поднялъ свой гарпунъ и со всею силою швырнулъ его на небо. Гарпунъ ударился о тучу; безмѣрный, невиданный свѣтъ озарилъ своимъ матово-бѣлымъ блескомъ океанъ.

И это была первая молнія, проблиставшая надъ землею отъ начала вѣковъ.

— Негодный богъ! — закричали устрашенныя феи Вѣтра, улетая еще выше. — Ты не понимаешь шутокъ, ты не любишь веселья, сердитый сынъ спрута! Вотъ всходитъ солнце, ты и въ него захочешь бросить свой страшный гарпунъ? Иди въ свой подводный мракъ! Не для тебя будетъ сверкать солнечный свѣтъ, чудовище!

И вознесясь къ восходящему солнцу, феи перевернули его обратной, черной стороной, чтобы Нинахерэ ничего не видѣлъ — и тотчасъ же настала великая темнота.

Въ бѣшенствѣ выскочилъ Нинахерэ изъ своей пироги. Бѣлыя зарницы засверкали отъ блеска его страшныхъ глазъ, освѣщая черныя воды.

— Хуріяма, фея ночи! — заревѣлъ Нинахерэ. — Возьми этихъ злыхъ женщинъ и брось ихъ ко мнѣ въ море. Я разорву ихъ на части и брошу тѣла ихъ рыбамъ. Отдай мнѣ ихъ, Хуріяма, если не хочешь, чтобы я и съ тобою вышелъ на смертный бой.

И голосъ Нинахерэ былъ такъ силенъ, что изумились небо и вода его безумному грохоту.

И это былъ первый громъ, прогрохотавшій надъ землею.

Когда онъ донесся до веселыхъ фей Вѣтра, онѣ закричали отъ ужаса и безумный страхъ помутилъ ихъ глаза. Уронивъ свои крылья, безсильныя, стали онѣ падать съ высоты, какъ падаютъ роняемыя чайками серебряныя перья.

На счастье ихъ, разбуженный грохотомъ, проснулся богъ Оро и, не желая отдать ихъ свирѣпому богу моря, разбилъ ихъ о воду на сотни частицъ и каждую часть превратилъ въ цвѣтущій океанійскій островъ.

Теперь не хули насъ, чужеземецъ, за то, что мы такъ веселы, такъ болтливы и такъ любимъ путить — не мы ли родились на землѣ, превращенной изъ этихъ веселыхъ фей?

ЛЕГЕНДА О ТЕОПУАИТИ И О ЖЕМЧУГѢ, КРАСѢ МОРЕЙ.

Много было могучихъ гигантовъ въ подземномъ царствѣ, но всѣхъ могучѣе былъ Теопуаити.

Славьте, Теопуаити!

Это онъ получилъ отъ своего отца Морихи-ихэ власть надъ полчищами самыхъ удивительныхъ духовъ.

Одни изъ нихъ могли превращаться въ радужные огни и освѣщать всѣ залы подземныхъ дворцовъ Теопуаити волшебнымъ свѣтомъ. Другіе превращались въ каменныя чудовища съ тысячами глазъ; третьи дули такими холодными вѣтрами, что, когда они свистѣли на поверхности — моряки замерзали на судахъ и птицы падали отъ изнеможенія.

Славился Теопуаити еще и тѣмъ, что былъ онъ хмуръ и толстъ и не любилъ выходить изъ своихъ глубокихъ покоевъ. Лежа на своей постели, сдѣланной изъ огромной сверкающей раковины, смотрѣлъ онъ усталыми глазами на пляски зеленыхъ тѣней на коралловомъ полу и слушалъ, какъ пѣли пѣсни ему глухіе вѣтры.

— Гдѣ вы были? — порою спроситъ ихъ Теопуаити, поднимая сонныя вѣки и, услышавъ ихъ разсказъ о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, сожмуритъ довольно глаза, съѣстъ кушанье и снова заснетъ на своей раковинѣ.

Однажды услышалъ онъ у своего дворца необычайный шумъ и, выглянувъ наружу, увидѣлъ Моохо, князя волнъ, пріѣхавшаго на гигантской черепахѣ.

— Здорово, толстякъ! — закричалъ ему Моохо. — Вставай-ка со своей раковины, у меня есть къ тебѣ важное дѣло!

Обидѣлся Теопуаити, что его назвали толстякомъ, и отвѣтилъ хмуро:

— Поѣзжай обратно, грубіянъ, а то, что я толстъ, до этого тебѣ нѣтъ никакого дѣла. Если нужно, я тоже могу двигаться не хуже тебя — и, засопѣвъ носомъ отъ недовольства, захлопнулъ дверь.

— Хорошо же ты принимаешь своихъ гостей! — сказалъ Моохо снова. Пожалуй бы и я обидѣлся на тебя, если бы у меня не было волшебнаго пояса, что можетъ дать мнѣ любой предметъ, къ которому онъ прикоснется. Ну! Отворяй-ка твой дворецъ, Теопуаити, а то и для тебя придется мнѣ снимать свой поясъ.

Услышавъ про поясъ, испугался Теопуаити и, собравъ всѣхъ своихъ духовъ, превратилъ ихъ въ чаекъ и, черезъ задній пролетъ дворца, поднялся на воздухъ.

Призвавъ летающихъ рыбъ, Моохо помчался на нихъ вслѣдъ за чайками, трубя въ свою раковину.

— Слѣзай, толстякъ! — кричалъ онъ снова. — Забудь свой нелюдимый характеръ. Я хочу заключить съ тобою долгій союзъ.

— Даже за время, необходимое кокосовой пальмѣ вырасти въ зрѣлое дерево изъ маленькаго ростка, ты

не увидишь меня, князь, — отвѣтилъ Теопуаити, отдуваясь отъ долгаго полета.

Тутъ захотѣлось ему покушать и, увидѣвъ, что врагъ далеко, онъ, крикнувъ на своихъ птицъ, спустился на отдаленномъ островѣ, гдѣ жилъ его пріятель, гигантъ Файэре - Тіэи.

Долго пировали они тамъ и долго путешествовалъ Моохо на своихъ рыбахъ, пока не нашелъ островъ двухъ друзей.

Подлетѣвъ къ нему въ темнотѣ, Моохо ударилъ его своимъ волшебнымъ поясомъ — и тотчасъ же островъ пошелъ на дно.

Не докончивъ ужина, Теопуаити полетѣлъ дальше, оставивъ своего друга гиганта биться съ волнами.

Но ужъ очень плотно пообѣдалъ онъ — и чайки его, уставъ, вскорѣ спустились къ океану.

Тогда, снова раскинувъ свой волшебный поясъ, Моохо коснулся имъ своего противника и со смѣхомъ взялъ его въ плѣнъ въ свой дворецъ.

Когда Теопуаити вошелъ въ главную залу изумруднаго дворца Моохо и увидѣлъ милліоны желтыхъ, красныхъ, синихъ, розовыхъ и брилліантовыхъ рыбъ, наполнявшихъ ее своимъ блескомъ, — ахнулъ онъ отъ изумленія и тутъ впервые улыбнулось его неподвижное лицо.

— Ба, да ты научился смѣяться, Теопуаити! — сказалъ князь волнъ, идя ему навстрѣчу. — Не сердись на меня, братъ, за то, что произошло, но ты мнѣ нуженъ. Далеко въ океанѣ лежитъ скалистый островъ князя Питамо. Правитъ онъ людоѣдами, носящими только перья на головахъ, и грабитъ проѣзжающіе корабли. Поѣдемъ на него войною, возьмемъ его островъ и подѣлимъ добычу!

Послѣ славнаго пира еще больше развеселился Теопуаити и согласился на союзъ.

Оснастивъ два богатыхъ судна, выѣхали они войною на князя острова Питамо. А тотъ имѣлъ волшебный камень, что могъ скрѣплять безвозвратно всѣ предметы, къ которымъ онъ прикасался.

Увидя враговъ, Питамо бросилъ свой камень въ ихъ корабли и тотчасъ, спаявшись вмѣстѣ, суда завертѣлись какъ волчки по океану.

Не испугавшись, Моохо выхватилъ свой магическій поясъ и въ свою очередь хлестнулъ имъ по острову Питамо; — и островъ перевернулся и пошелъ ко дну вмѣстѣ со своимъ княземъ и его людоѣдами.

Гордые побѣдой, уѣхали Теопуаити и Моохо, обнимаясь въ знакъ дружбы.

И такъ сказалъ Теопуаити:

— Ты смѣлъ, какъ морской звѣрь, Моохо, и веселъ, какъ вѣтеръ. За прежнюю свою грубость, теперь хочу я съ тобой породниться, храбрый князь.

Есть у меня дочка, которой еще не видѣлъ никто. Ея лицо бѣло, какъ океанская пѣна; кожа ея блестяща, какъ внутренность раковины, сіяющей на солнцѣ. Бери ее замужъ, Моохо!

...Справили свадьбу два новыхъ друга и черезъ годъ родился у Моохо его первый сынъ Жемчугъ, краса морей.

По всему океану пошла его слава. Какъ-то увидѣла его Перламутрова Раковина и полюбила дитя безъ разсудка.

— Не похожъ онъ на меня своимъ блескомъ, — говорила она самой себѣ съ тоскою. — О, если бы онъ спалъ на моей груди всю жизнь, подобно его дѣду, Теопуаити, отдыхавшему на раковинѣ! О, если бы онъ дремалъ у моего сердца!

Однажды ребенокъ — Жемчугъ сказалъ своимъ родителямъ:

— Пустите меня кверху! Я хочу посмотрѣть на

солнечный свѣтъ и на дельфиновъ, прыгающихъ изъ воды. Имъ славно на волѣ, родители мои! Я хочу сѣсть имъ на спины и, кувыркаясь вмѣстѣ съ ними, хохотать отъ радости и брызгать подъ синее небо соленой влагой.

Раскрылъ онъ двери своего дворца и весело побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ — но не успѣлъ сдѣлать и половины пути, какъ былъ схваченъ поджидавшей его Перламутровой Раковиной. Закрылась она плотно и, убѣжавъ въ далекій гротъ, приросла къ водной пропасти.

Долго-долго тамъ спалъ Жемчугъ, а когда проснулся — увидѣлъ себя превращеннымъ въ сверкающее зерно, тихо дышащимъ на теплой груди молодой дѣвушки. Она сидѣла подъ пальмами и разсказывала подругамъ сказки про его отца Моохо, вечеромъ приплывающаго къ берегамъ и плачущаго о потерѣ своего сына...

ЛЕГЕНДА О РОЖДЕНІИ ХЛѢБНАГО ДЕРЕВА.

Кто не слышалъ о Моэ, самой прекрасной изъ всѣхъ дѣвушекъ Океаніи? Люди сосѣднихъ земель окрыляли парусами свои пироги и приплывали на островъ, гдѣ жила она, только затѣмъ, чтобы взглянуть на нее и потомъ повѣдать у себя дома:

— Ей 15 лѣтъ, и она весела, какъ солнечный лучъ. Ея руки гибки, какъ тѣла самыхъ подвижныхъ рыбъ, когда онѣ рѣзвятся между камнями. Ея смѣхъ напоминаетъ молодой, весенній легкій громъ, послѣ котораго людямъ самимъ хочется смѣяться. Волосы ея черны, какъ морское дно. Въ нихъ можно утопиться — настолько они густы. Вдыхая ихъ, можно задохнуться отъ счастья — настолько они душисты. Идите, женщины, смотрѣть на Моэ, чтобы поучиться быть такой же привѣтливой, какъ она сама. Идите, юноши, пѣть въ честь ея хоровыя пѣсни. Придетъ день и красота ея померкнетъ, и вы не сможете послѣ повѣдать вашимъ дѣтямъ, что видѣли чудо.

Однажды родители сказали Моэ:

— Уже пора заводить тебѣ свой домъ, дитя наше. Мы нашли тебѣ мужа. Отцу его принадлежатъ 5 острововъ, гдѣ находятъ жемчугъ крупный, какъ яйца голубыхъ голубей. Ты сильна сердцемъ, Моэ, а онъ слабъ, но онъ будетъ тебѣ вѣрнымъ мужемъ.

И отвѣтила имъ Моэ:

— Мужчина, слабый сердцемъ — какъ облако, несомое вѣтромъ. На него нельзя опереться въ трудный часъ. Пусть Аратуа пріѣдетъ въ деревню нашу, и я, встрѣчаясь съ нимъ каждый день, узнаю нравъ его и послѣ скажу вамъ, могу ли быть его женою.

Прибылъ Аратуа на островъ — и привезъ съ собою несчастье.

Напалъ червь на всѣ плоды и истребилъ всѣ пальмы. Холодное теченіе появилось у береговъ, прогнавъ всѣхъ рыбъ. Суровый вѣтеръ гудѣлъ по океану, губилъ суда и ломалъ деревья. И сталъ островъ похожъ на садъ, побитый градомъ, на пепелище, разметываемое бурей.

Похудѣли люди, лошади; собаки убѣгали въ лѣса и дичали.

Чтобы не умереть съ голоду, Моэ ходила собирать ракушки на берегу себѣ въ пищу и печальными глазами смотрѣла на океанъ, какъ пловецъ послѣ кораблекрушенія, ожидающій помощи. Она сдѣлалась тонка, точно умирающій утромъ мѣсяцъ, но еще возвышеннѣй стала ея удивительная красота.

Вечеромъ, какъ обычно, всѣ жители деревни собирались на площадь пѣть пѣсни. Жалобно звенѣли ихъ слабые голоса.

И говорили дѣвушки:

— Не будемъ проклинать свою судьбу. Развѣ мы красивѣе Моэ, луннаго луча, а она осуждена голодать такъ же, какъ и мы сами.

И говорили юноши:

Мы обходили сегодня весь островъ, чтобы найти хоть одинъ кокосовый орѣхъ. Мы увидѣли только полевыхъ крысъ, подохшихъ отъ голода. Дай поглядѣть на твою красоту, Моэ, чтобы, умирая, мы могли сказать богу мертвыхъ душъ: «Мы были счастливы на землѣ даже во время страшнаго голода, посѣтившаго насъ, ибо мы видѣли несравненную человѣческую красоту.»

— Неправда, — закричалъ Аратуа, приходившій въ изступленіе отъ своихъ мученій. — Какія глупыя слова! Развѣ превратятся щеки Моэ въ жареныя лепешки и я смогу ихъ съѣсть? Развѣ вы можете насытиться ея взглядами, какъ кускомъ хорошей рыбы? Красота нужна намъ только тогда, когда желудокъ нашъ наполненъ и намъ нечего дѣлать.

— Для чего жъ ты украсилъ цвѣткомъ свою голову? — спросили юноши съ презрѣньемъ. — Растопчи его, иди въ черный гротъ къ червямъ и улиткамъ и не любуйся этимъ безмѣрнымъ океаномъ, сверкающимъ отъ солнца. Тебѣ ли нужно его великолѣпіе, слизнякъ?

— Когда красота Моэ сможетъ прокормить мое тѣло — я повѣрю въ ея необходимость. Нашъ островъ голъ, какъ камень, съ котораго волна сорвала послѣдній мохъ. Молите о чудѣ, глупцы! Можетъ быть, вы и его увидите въ глазахъ этой дѣвушки.

Тутъ, поднявъ глаза къ небу, Моэ замѣтила высокій дымъ съ сосѣдней горы и воскликнула съ восторгомъ:

— Стой, грубіанъ! Ты хочешь чуда — пойдемъ за мной на эту гору къ моему дѣду, оканчивающему тамъ свои дни. Юноши, дѣвушки! Вы знаете, что онъ мудрецъ. Не онъ ли столько разъ останавливалъ живоносныя тучи надъ островомъ и отводилъ убійственные грома? Идемъ къ нему всѣмъ народомъ просить

его о помощи, о защитѣ нашей красивой земли! Онъ всегда зажигаетъ высокій костеръ, когда хочетъ меня видѣть.

И всей толпой они двинулись на гору, гдѣ жилъ дѣдъ Моэ, мудрецъ Таароа. Онъ ждалъ ихъ на вершинѣ холма.

— Сюда, дѣти мои, — говорилъ онъ ласково, простирая къ нимъ свои могучія руки. — Сюда, Моэ, мотылекъ, моя любимая внучка. Я зажегъ свой костеръ въ послѣдній разъ, ибо часъ мой насталъ, чтобы отойти къ Вѣчному.

— Не уходи! — закричала Моэ, плача. — Умоли боговъ о чудѣ, мой чудесный дѣдъ! Мы еле стоимъ на ногахъ отъ истощенія, у насъ мало крови въ жилахъ и головы наши мутятся. А если не можешь сдѣлать это — возьми и насъ за собою.

— Безумное дитя! — отвѣтилъ мудрецъ ласково. — Развѣ затѣмъ создана твоя красота, чтобы быть погубленной безпощадно? Слушайте, люди. Я не могу дать вамъ всю душу свою, ибо она принадлежитъ не мнѣ. Но я просилъ бога жизни даровать вамъ спасеніе ради красоты моей кроткой внучки Моэ — и я отдаю вамъ свое тѣло. Склоните головы ваши.

И преклонилъ народъ головы. И была тишина.

И когда пришедшіе подняли глаза — увидѣли они чудесное зрѣлище: могучее тѣло Таароа, снова ставшее юнымъ, какъ сама жизнь, растаивало въ вечернемъ воздухѣ, постепенно превращаясь въ огромный стволъ. Ноги мудреца, какъ корни, ушли въ землю, руки превратились въ вѣтви, ладони и пальцы рукъ — въ изрѣзанные, невиданные до того листья. Дерево стало расти на ихъ глазахъ; тысячи зеленыхъ плодовъ сразу повисло подъ огромными вѣтвями, шумящими свѣжей листвой — и гигантскій зеленый шатеръ осѣнилъ всѣхъ своею густою тѣнью.

Сорвали люди плоды и увидѣли, что они вкусны, какъ хлѣбъ. И каждый взялъ по одному для себя и близкихъ своихъ и понесъ въ деревню. Одинъ Аратуа набросился съ жадностью на плоды — и вдругъ сразу потолстѣлъ, какъ огромный пузырь и, упавъ къ ногамъ Моэ, закричалъ жалобно:

— Ты чудесна, Моэ. Я теперь самъ вижу, что красота можетъ приносить пользу и питать насъ, — прости меня. Иди за меня замужъ, красавица. Я буду сидѣть подъ деревомъ и охранять его отъ воровъ. Вѣдь оно принадлежитъ одной тебѣ — не правда ли, разъ оно было твоимъ дѣдомъ?

— Ты наказанъ своею же жадностью, низкій умъ, — засмѣялась Моэ звонко. Теперь ты сталъ такъ толстъ, что не можешь даже двинуться со своего мѣста. Прирасти къ нему и претворись въ сухой и неплодородный пень.

И стало такъ, какъ она сказала.

Пошла Моэ на мараэ*), чтобы возблагодарить боговъ — и увидѣла юношу стройной красоты. Онъ ставилъ на подножіе статую — и былъ худъ, какъ водяныя травы.

— Возьми, подкрѣпи себя — сказала ему Моэ, подавая чудесный плодъ.

— Спасибо — отвѣтилъ юноша, краснѣя. — Мнѣ не нужно хлѣба, когда я смотрю на тебя, Моэ. Два мѣсяца я вырѣзалъ изъ дерева эту статую и, думая о тебѣ, совершенная красота, я позабывалъ о пищѣ. Я люблю тебя, Моэ.

— Неужели же ты тотъ, кого я искала — закричала Моэ въ восторгѣ. — О, если отъ сердца идутъ твои слова — скажи мнѣ, кто ты и кто твои родители. Мо-

*) Мѣсто жертвоприношеній, полинезійскій храмъ, гдѣ кромѣ того заключались браки, запоминались рожденія и пр. Каждый крупный родъ имѣлъ свое мараэ.

жетъ быть, и ты будешь моимъ избраннымъ, чистая душа, влюбленная въ красоту, не приносящую пользы!

...Много пѣсенъ спѣли на этой свадьбѣ, много напитковъ выпили, много хорошихъ словъ сказали. Когда дымъ отъ пиршественныхъ костровъ поднялся подъ небо, можно было подумать, что горитъ лѣсъ.

Утромъ сѣла Моэ со своимъ мужемъ на пирогу и уѣхала на дальній островъ Радугъ, отчизну мечты. Закрой глаза — и вѣчное счастье ихъ увидишь ты за легкимъ земнымъ туманомъ.

Photo Mrs K. Speirs.

Парусныя пироги въ лагунѣ

Рыбаки

Photo Mrs K. Speirs.

Народъ, которому нечего дѣлать, кромѣ любованія вселенной

Coll. A. Leboucher.

О. Моореа
Заливъ Пао-Пао

ЛЕГЕНДА О РОЖДЕНІИ НЕБЕСНЫХЪ ДѢТЕЙ.*)

— «О, дѣти дорогія, возвратитесь!»
— «Нѣтъ, мы не возвратимся никогда»
— Плохой уловъ былъ вамъ сегодня ночью.
Вы ничего не дали для дѣтей.
Красивой гроздью огненныхъ цвѣтковъ
Теперь они сіяютъ въ черномъ небѣ.

Таитянская пѣсня.

Дни были также одѣты въ горящее золото, а ночи въ бирюзу морей, но рыбакамъ не было прежней удачи. Напрасно стояли они на рифѣ, опустивъ удочки, безплодно бросали сѣти. Какой тупапау взялъ всѣхъ рыбъ? Уже много дней дѣти плакали на берегу, прося пищи. Плакали и маленькіе Пипири Ма, сироты, воспитанники рыбака Тауа.

Когда убыла луна надъ островомъ и ночи стали темны, Тауа сказалъ однажды своимъ дѣтямъ:

— Сегодня я поѣду на рыбную ловлю съ факеломъ и, когда привезу уловъ, разбужу васъ и накормлю васъ самой вкусной рыбой, какую только поймаю. Вечеромъ въ лагунѣ, спокойной, какъ небо, засіяли всѣ звѣзды и стало казаться, что небеса сходятъ къ водѣ — этотъ часъ любятъ рыбы. Взялъ Тауа гарпунъ и

*) Впервые въ нѣсколько иной передѣлкѣ передана M.G. Cuzent, авторомъ старой — очень интересной и уже забытой книги о Таити.

факелы, связанные изъ сухихъ пальмовыхъ листьевъ — и, ловкимъ толчкомъ сдвинувъ пирогу съ песка, зажегъ «рама».*) Ослѣпительный свѣтъ огня прогналъ темноту. Изъ воды запрыгали рыбы, убѣгая. Двухъ изъ нихъ все-таки поймалъ Тауа — остальныя всѣ скрылись въ свои коралловые гроты. Спрятавъ одну изъ рыбъ въ садокъ, Тауа развелъ костеръ и сталъ ихъ жарить. Въ хижинѣ, гдѣ лежали дѣти, было тихо.

— Пора разбудить дѣтей — сказала его жена Рехуа. — Уже сколько дней они не ѣли рыбнаго мяса. Пусть повеселятся вмѣстѣ съ нами.

— Не надо, — отвѣтилъ Тауа, забывая свое обѣщаніе. — Они спятъ такъ сладко, а когда человѣкъ спитъ, ему не хочется кушать. Кто знаетъ — поймаемъ ли мы завтра что-нибудь? Утромъ они съѣдятъ свою часть.

— Пусть такъ — отвѣтила Рехуа и стала подавать кушанья. Положивъ на столъ листья пурао, она поставила на нихъ плоды хлѣбнаго дерева и Папе мити**) и красные поджаренные феи***) и мити ноа-ноа.****)

И скоро густой запахъ кушаній поплылъ подъ пальмами.

— Ты слышишь? — тихо сказалъ братъ сестрѣ. — Какъ хорошо пахнетъ вечеромъ отъ ѣды. Они жалѣютъ ее отъ насъ. Они сказали, что мы можемъ подождать до завтра.

— Ахъ, я такъ хочу ѣсть! — заплакала сестра. — Но я не желаю у нихъ просить, если они сами не понимаютъ, что мы не спимъ отъ голода.

— Завтра вечеромъ они тоже поймаютъ и тоже не дадутъ намъ — бѣжимъ отъ нашихъ жадныхъ воспи-

*) Факелъ.

**) Разсолъ морской воды, употребляющійся вмѣсто соли.

***) Дикіе таитянскіе бананы, красиваго оранжеваго цвѣта.

****) Душистый разсолъ для приправы кушаній.

тателей, — сказалъ братъ. — Вотъ я вижу черезъ перегородку вее небо, полнымъ отъ звѣздъ. Посмотри, какъ оно сіяетъ и искрится! Поѣдемъ къ звѣздамъ, сестра! Если мы сейчасъ сядемъ въ пирогу — мы можемъ прибыть въ небесную страну. Тамъ насъ хорошо, хорошо накормятъ.

Принявъ рѣшеніе, они быстро раздвинули бамбуковую стѣну Фарэ-тоуто*) — и легкими шагами побѣжали по песку, пугая краббовъ.

Увидѣвъ дальнія тѣни дѣтей у воды, Тауа заподозрилъ недоброе и кинулся въ хижину. Она была пуста. Постели дѣтей еще были теплы.

— Они убѣжали отъ насъ — закричалъ онъ своей женѣ. — Пипири Ма! Пипири Ма! Возвратитесь! У насъ для васъ есть хорошій ужинъ!

— Нѣтъ! — закричали дѣти, отчаливая въ пирогѣ и начиная быстро грести. — Уловъ былъ очень плохой и у васъ нѣтъ ничего для вашихъ маленькихъ питомцевъ. Мы ѣдемъ ужинать въ небесную страну!

— Пипири Ма! Пипири Ма! — жалобно закричали родные. — Куда вы ѣдете, безумцы! Теченіе изъ океана сильно — вы не справитесь съ нимъ, оно потопитъ васъ. Вернитесь, Пипири Ма!

Дѣти, несомые теченіемъ, были уже далеко. Стоглазый Маху, духъ обманщикъ, летѣлъ впереди пироги Тауа и кричалъ ему голосами дѣтей:

— Мы здѣсь. Плыви же за нами. Мы хотимъ вернуться обратно, но у насъ не хватаетъ силъ!

И летя впереди дѣтей, звалъ ихъ:

— Сюда, Пипири Ма! Здѣсь славный безопасный путь. Вы прибудете скоро въ небесную страну! — и направивъ пирогу на камень, разбилъ ее и выбросилъ маленькихъ пловцовъ въ воду. По счастью, воздушный змѣй, котораго они пускали утромъ, носился надъ

*) Хижина для спанья.

океаномъ въ это время, не управляемый никѣмъ. Дѣти схватились за его бичевку и закричали въ тоскѣ:

— Вы обманули насъ, звѣзды. Вы такъ свѣтло сверкали въ лагунѣ, что мы думали, будто къ вамъ можно прибыть по водѣ въ вашу небесную страну.

Услышали ихъ крикъ ночныя свѣтила и послали вѣтеръ. Подулъ ураганъ, змѣй натянулъ бичевку — и унесъ дѣтей на небо.

Когда прибыли они въ небесную страну — вдругъ и они и змѣй засверкали нетлѣннымъ блескомъ и огромное созвѣздіе озарило своимъ свѣтомъ міръ. Вотъ оно сейчасъ сіяетъ надъ нами: въ головѣ воздушнаго змѣя переливается голубая звѣзда, двѣ маленькихъ звѣздочки мерцаютъ у него въ хвостѣ, трепеща отъ счастья.

— Это Пипири Ма, небесныя дѣти. Они теперь уже не хотятъ ничего кушать — они лишь свѣтятъ и поютъ.

Слышалъ ли ты, какъ поютъ звѣзды?

ЛЕГЕНДА О ДВѢНАДЦАТИ БРАТЬЯХЪ И ОБЪ ОТЦѢ ИХЪ МАЮТА.

— Кто побѣдитъ эту сладкую ночную тоску, эту безумную тревогу томленія, когда полная луна — вотъ какъ сейчасъ — зажигаетъ своимъ серебромъ весь островъ, всѣ его лѣса и всѣ человѣческія души?

Какое бѣшенство неутоленной страсти реветъ въ океанѣ! Сегодня, какъ всегда въ эти непостижимыя ночи, онъ сильнѣе выбрасывается на берегъ, шумнѣе гудятъ пальмы и, кажется, сами горы и скалы перекликаются другъ съ другомъ въ этотъ часъ.

Кто знаетъ? Можетъ быть и они тоскуютъ о прежнихъ дняхъ, о земной красотѣ, которой они не видятъ, о томъ, что въ нихъ не бьется человѣческаго сердца?

Такъ думалъ я, проходя по гремящему отъ прибоя берегу острова Райатэа вмѣстѣ съ Пепэ, уѣхавшей туда со мною съ Мопити, повидать своихъ родственниковъ.

Мы сѣли подъ скалою. Бѣлое бѣшенство волнъ все

усиливалось. Пепэ, дрожа, невольно тѣснилась ко мнѣ какъ молодая, испуганная собачка жмется къ ведущему ее человѣку.

— Попаа*), вѣрно ли, что души умершихъ летаютъ подъ луной? — едва-едва бормотала она почти въ самозабвеніи, сжимая колѣни руками и судорожно кладя на нихъ голову.

Отчего умираютъ люди? И сколько, сколько ихъ уже померло, попаа...

Говорятъ, что тѣ, что превращены въ рыбъ, стараются выпрыгнуть на берегъ въ лунную ночь и снова принять человѣческое подобіе. Правда ли это, попаа? Вѣдь ты все знаешь...

Боишься ли ты, тупапау, ночныхъ скалъ и ущелій, смерти и темноты?

Ахъ, какъ болитъ моя душа, когда я думаю, что мои глаза закроются навѣки и мой ротъ уже не засмѣется и моя рука уже не поднимется сорвать цвѣтка!

Какая черная тѣнь падаетъ на берегъ отъ этой скалы! Это Онъ хочетъ прикрыть насъ своимъ мракомъ, чтобы мы были такими же дурными, какимъ былъ этотъ человѣкъ.

Сядь поближе ко мнѣ. Я боюсь страховъ.

Зачѣмъ ты повелъ меня сюда?

Зажги скорѣе костеръ, здѣсь много сухихъ вѣтокъ.

Какъ славно! Какъ славно!

Теперь я совсѣмъ вижу твое лицо. Оно красно, какъ настоящій фонарь. Ха-ха!.. Ты очень забавенъ сейчасъ, скажу я тебѣ. У тебя такой глупый видъ.

Вотъ теперь, если хочешь, я могу тебѣ разсказать, почему я такъ боялась этого мѣста...

---

*) Чужестранецъ.

Это было здѣсь, на о. Райатэа, гдѣ жилъ человѣкъ Маюта со своими 12 сыновьями и 4-мя дочками. Никто не любилъ его, потому что былъ онъ хмуръ и золъ.

Не любилъ и онъ никого — даже дѣтей своихъ, хотя сердца ихъ были теплы, какъ солнечный свѣтъ.

Вотъ какъ-то утромъ, свиснулъ Маюта своихъ дѣтей, какъ щенятъ, и повелъ ихъ въ горы собирать «феи» въ пищу.

По дорогѣ встрѣтился имъ огромный человѣкъ, рубившій баньянъ, какъ тростинку.

— Ого-го, — сказалъ великанъ, улыбаясь. — Многонько же у тебя дѣтей, Маюта. Отдай мнѣ хоть половину твоихъ сыновъ. У меня, вѣдь, ни одного нѣтъ.

— Бери всѣхъ ихъ, дармоѣдовъ, — хмуро отвѣтилъ Маюта. — А дочки на выданьи, скоро ихъ женихи возьмутъ. — И отдалъ всѣхъ своихъ сыновей гиганту.

Поцѣловалъ тотъ ихъ, какъ родныхъ и, весело приведя къ своему дому, передъ которымъ росъ непомѣрно-огромный апельсинъ, сказалъ:

— Мой домъ — вашъ домъ и мои богатства — ваше богатство. Ростите и не знайте заботъ. Будьте преданы другъ другу, ибо преданность дана даже собакѣ, а не выше ли собаки человѣкъ? Будьте храбры, ибо храбръ даже пѣтухъ, а вы не больше ли его ростомъ? Это дерево волшебно. Если хоть одинъ плодъ упадетъ съ него — знайте, что кто-то изъ васъ умеръ въ лѣсу, тогда другіе должны итти за нимъ на поиски.

Выросли дѣти на привольѣ и на свободѣ, а Маюта, выдавъ дочекъ замужъ, сдружился съ однимъ очень злымъ колдуномъ.

И сказалъ ему колдунъ: — Если хочешь быть такимъ же могучимъ, какъ я — убей дѣтей своихъ и я передамъ тебѣ всю свою силу.

Порѣшилъ Маюта убить своихъ дѣтей и вотъ что случилось дальше.

Разъ старшій братъ пошелъ на охоту, дикая свинья напала на него и былъ онъ убитъ. И тотчасъ же упалъ одинъ изъ апельсиновъ и вытекъ краснымъ сокомъ.

— Не плачьте, дѣти, — промолвилъ опечаленный великанъ. — Есть у меня тыква, наполненная волшебнымъ сокомъ съ дерева, дарующаго жизнь. Пусть возьметъ ее второй братъ и идетъ на поискъ погибшаго.

Отправился второй братъ, но разстроенный горемъ, вмѣсто тыквы съ волшебнымъ сокомъ, взялъ по ошибкѣ тыкву съ ромомъ и по дорогѣ встрѣтилъ чудо: на лодкѣ съ парусомъ ѣхали безобразныя рожи по сушѣ, какъ по морю и кричали, показывая языки, что они посланы его отцомъ Маюта истребить и его и всѣхъ его братьевъ.

Разсердился юноша и бросилъ въ нихъ своей тыквой; разбилась тыква и пролился ромъ. Набросились рожи, какъ дикія кошки, лизать ромъ, стали пьяны, потеряли направленіе и улетѣли на воздухъ, а юноша прибѣжалъ домой.

На слѣдующее утро на поиски пошелъ третій братъ, но уже взялъ настоящій волшебный сокъ вмѣсто рома. Въ заросляхъ на берегу рѣки нашелъ онъ брата и обрызнулъ его чудеснымъ зельемъ, говоря:

— Встань, любимый братъ мой, изъ своего ранняго мрака. Все еще также свѣтитъ солнце въ нашемъ краю, поютъ птицы и шумятъ деревья. Встань! Завтра же, завтра утромъ мы съ тобой пойдемъ купаться на зарѣ.

И всталъ мертвый, какъ живой, и рана его зажила волшебно.

Бросились они другъ другу на шею и, весело разговаривая, возвратились домой.

Послѣ, всѣ 12 братьевъ рѣшили истребить кабана, напавшаго на старшаго изъ нихъ, и, взявъ луки и стрѣлы, вышли въ путь.

Черезъ два дня прибыли они въ долину, усѣянную такими прекрасными цвѣтами, что сказали они:

— Нигдѣ на всемъ островѣ нѣтъ такихъ цвѣтовъ. Выкопаемъ ихъ и посадимъ передъ своимъ домомъ.

И срывая цвѣты и гоняясь за птицами, до того невиданными, они потеряли путь.

Насталъ вечеръ, вдали заблестѣлъ огонь.

Пошли юноши на его невѣрный свѣтъ и увидѣли печальную молодую женщину, варившую обѣдъ въ глухой чащѣ.

Вмѣсто словъ привѣта, она, взглянувъ на нихъ, воскликнула съ ужасомъ:

— Зачѣмъ вы явились сюда, красавцы? Развѣ не веселитъ васъ ваша молодость и вы уже не хотите охотиться и бѣгать по лѣсамъ и вечеромъ смотрѣть на звѣздное небо?

Крылатый людоѣдъ Тафай-танэ взялъ меня въ плѣнъ и по его приказанію я варю ему обѣдъ изъ человѣческихъ костей, которыя онъ приноситъ. Или вы хотите, чтобы вечеромъ онъ заставилъ меня варить ему пищу изъ васъ самихъ?

Безумная отъ страха, она спрятала гостей своихъ подъ лѣстницу, а тѣ, прорѣзавъ въ ступеняхъ отверстія для своихъ стрѣлъ, стали дожидаться колдуна.

Вскорѣ заблистала молнія, загремѣлъ громъ и Тафай-танэ показался на горизонтѣ, какъ черная туча. Натянули юноши свои 12 луковъ и убили колдуна въ воздухѣ.

Несмѣтныя богатства его они раздѣлили поровну, старшій братъ взялъ себѣ въ жены прекрасную его плѣнницу и стали они жить да поживать.

Вскорѣ о счастливой жизни дѣтей узналъ и Маюта и пришелъ къ нимъ, прося позволенія поселиться вмѣстѣ. Пустили его братья.

И вотъ скажу я тебѣ, есть еще справедливость на

свѣтѣ и къ этому веду я свой сказъ. Пошелъ однажды Маюта на берегъ моря и сталъ вѣтру хулить своихъ дѣтей и кликать на нихъ горе. Не вытерпѣлъ этого гигантъ-краббъ и, подкравшись къ Маюта, схватилъ его за ногу и не выпустилъ до самаго разсвѣта.

А утромъ, когда запѣлъ пѣтухъ, превратился Маюта въ безобразную скалу, да такъ и остался ею и понынѣ.

Отойдемъ отъ нея поскорѣй. Костеръ погасъ. Ночныя птицы кричатъ и мнѣ снова становится страшно...

ЛЕГЕНДА О ПРИНЦѢ ТЕФАѢ И О КОРОЛЕВѢ НОЧИ, РОТИ ТИРАНА.

Когда великая Татэ, королева острова Вейпоэри, узнала старость — она удалилась въ свой горный дворецъ и отдала правленіе островомъ своему старшему сыну, Наэро.

Наэро не любилъ заботъ, а предпочиталъ сидѣть у себя во дворѣ подъ хлѣбнымъ деревомъ и слушать старыя сказки.

Сидѣлъ онъ какъ-то, внимая повѣсти о дивныхъ дѣлахъ Хиро, какъ вбѣжалъ къ нему юноша съ окровавленнымъ копьемъ и промолвилъ, задыхаясь:

— Добрый князь, суди меня. Я убилъ часового, охранявшаго твой дворецъ.

— За что ты убилъ его, негодный? — поднимаясь, воскликнулъ Наэро.

— Онъ былъ главаремъ отряда, шедшаго истребить тебя самого — и свергнуть родъ твой съ престола. Я узналъ о ихъ заговорѣ и, когда они врывались въ ворота, покончилъ съ зачинщикомъ, остальные разбѣжались.

— Что жъ, ты думалъ, что я самъ не смогу защитить себя? — нахмурился Наэро. — Никто не судья своимъ ближнимъ. Ты долженъ быть наказанъ смертью. Слушай. Твой злой поступокъ былъ вызванъ все же безумной, но доброй мыслью, и я даю тебѣ одну милость. Много акулъ въ океанѣ и трудно ихъ ловить. Если ты въ теченіе этого дня поймаешь мнѣ самую чудесную изъ нихъ — акулу съ драгоцѣннымъ камнемъ въ животѣ — возблагодари Верховную Силу, прощающую тебя. Послѣ этого ты получишь свободу.

Отправился юноша на рифъ, бросилъ крючекъ съ наживой — и сразу вытащилъ акулу съ драгоцѣннымъ камнемъ въ животѣ.

Когда онъ хотѣлъ нанести ей ударъ — вдругъ сказала ему акула:

— За то, что король не былъ жестокъ съ тобой и не наказалъ тебя сразу — дай мою печень женѣ Наэро — и родится у нея сынъ — гигантъ.

Дѣйствительно, въ скорости послѣ того какъ съѣла принцесса печень, родился у нея сынъ-великанъ.

И назвали его: Тефай-Ури-Ури-Темуту-Хевай.

Ставъ мальчикомъ, поѣхалъ молодой принцъ со свитой въ путешествіе и прибылъ на островъ Таа.

Причалили они къ деревушкѣ Хипу, удивился ребенокъ несравненной красотѣ мысовъ, лагуны, цвѣтовъ и убѣжалъ тайкомъ отъ наставниковъ въ долину. Тамъ схватилъ его слѣпой колдунъ Уи и, заперевъ въ клѣтку, сталъ кормить на убой, чтобы съѣсть послѣ.

Черезъ четыре мѣсяца захотѣлъ колдунъ посмотрѣть, на много ли потолстѣлъ его плѣнникъ — и попросилъ у Тефая руку, будто бы только затѣмъ, чтобы ее погладить.

Но Тефай то былъ не дуракъ. Поймалъ онъ крысу въ своей клѣткѣ и далъ ея лапу слѣпому людоѣду, какъ свою.

— Ахъ, что же ты кушалъ такъ мало — опечалился колдунъ. — Какія у тебя тонкія ручки! — и послѣ этого сталъ давать ему еще больше.

Спустя новыхъ четыре мѣсяца, когда колдунъ опять пришелъ къ нему, Тефай никакъ не могъ поймать крысы — и принужденъ былъ дать свою настоящую руку колдуну. Запрыгалъ тотъ отъ радости, развелъ костеръ, повѣсилъ надъ нимъ огромную кастрюлю и приказалъ Тефаю подняться туда, чтобы посмотрѣть, хорошо ли кипитъ вода.

— Поднимись первый — отвѣтилъ ему Тефай. — Можетъ быть лѣстница еще и не выдержитъ моей тяжести.

Только всталъ Уи на верхнюю ступеньку — какъ Тефай схватилъ лѣстницу и сбросилъ колдуна въ кипятокъ, какъ паука.

Распоровъ толстый животъ волшебника, онъ нашелъ тамъ трехъ живыхъ собакъ, бросившихся лизать ему руки отъ радости.

А собаки эти, только что проглоченныя колдуномъ, были совсѣмъ особенныя. Первая звалась Нити, собака-вѣтеръ. Она могла скакать по воздуху въ любую бурю и приносить изъ облаковъ все, что летѣло вмѣстѣ съ ними по небесамъ. Другая звалась Ти, собака-огонь. Она могла спускаться въ вулканы и пересѣкать огненныя моря. Третья звалась Паути, собака-скорость и была она самымъ быстрымъ существомъ на землѣ. Пошелъ съ ними Тефай и прибылъ въ мѣстечко Фааха, гдѣ встрѣтилъ другого колдуна Уаити, пригласившаго его обѣдать.

— А у тебя нѣтъ клѣтки для твоихъ гостей? — смѣясь, сказалъ Тефай. — Вы, волшебники, опасный народъ, но и я, простой человѣкъ, теперь, пожалуй, могу помѣриться съ вами силами.

— Хорошо — отвѣтилъ задѣтый Уати, — слышишь, какъ гудитъ ураганъ? Я вижу Вѣдьму Вѣтра въ возду-

хѣ. Это она дуетъ на насъ и гонитъ тучи. Можешь ли ты побороть ее, великанъ?

Свиснулъ Тефай собакѣ-Вѣтру и она, скакнувъ въ тучу, схватила Вѣдьму за волосы и притащила ее къ своему хозяину.

— Славная работа — сказалъ колдунъ. — Но сдѣлаешь ли ты другую вещь? Хранится у меня волшебный ключъ, дающій все, кромѣ счастья, тому, кто его имѣетъ, но лежитъ онъ на днѣ огненнаго озера подъ землею. Если ты достанешь его — будетъ онъ твоимъ, великанъ.

Кликнулъ Тефай собаку-Огонь — приказалъ ей разыскать ключъ — и та почти немедля принесла его въ зубахъ.

— Стой! — закричалъ перекосившійся отъ страха колдунъ. — Если ты могучъ — пошли свою собаку на охоту. У насъ есть въ окрестностяхъ дикій кабанъ, котораго никто не могъ перегнать. Онъ ломаетъ лѣса на скаку и разбиваетъ копытами скалы въ мелкій пухъ. Поставимъ на него послѣднюю ставку. Если твоя собака его затравитъ — бери и меня и мою жизнь; если она будетъ убита — я тебя убиваю тотчасъ же, великанъ.

И отослалъ Тефай третью собаку, собаку-Скорость, Паути — и черезъ минуту она вернулась, неся въ зубахъ огромнаго затравленнаго звѣря.

Тутъ упалъ колдунъ Тефаю въ ноги и взмолился о томъ, чтобы онъ или убилъ его или отдалъ его волшебный ключъ за одну тайну, что можетъ сдѣлать Тефая счастливымъ вѣчно.

Возвратилъ простодушный принцъ колдуну его сокровище и услышалъ отъ него:

— Вотъ твое счастье сходитъ съ моихъ губъ. Лови его! Когда прибудешь ты на свой островъ Вейпоэри и построишь себѣ дворецъ — оставь всѣ окна его со стороны долины открытыми въ теченіе трехъ первыхъ ночей. На ранней зарѣ ты почувствуешь свя-

щенный холодъ — и Роти Тирана, Королева Ночи, прибудетъ къ тебѣ, окруженная свитой, въ платьѣ, сотканномъ изъ лунныхъ лучей и вышитомъ звѣздами. Женись на ней — и ты будешь счастливѣе всѣхъ, кто пьетъ воздухъ въ эти дни на землѣ.

Такъ все и случилось, какъ предсказалъ колдунъ — и послѣ свадьбы Тефай могъ назвать себя существомъ самымъ счастливымъ на свѣтѣ.

Въ одинъ вечеръ, особенно прекрасный, сказала Королева Ночи Тефаю:

— Пойдемъ гулять по рифу, возлюбленный мужъ мой. Посмотри, какъ могуче океанійскіе валы разбиваются о его каменную стѣну брилліантовыми брызгами. Мое длинное платье застелется своими звѣздами въ этомъ брлліантовомъ огнѣ по водѣ, ты будешь смотрѣть на меня и скажешь, что никогда еще ты не видѣлъ меня красивѣе. Я люблю, когда ты говоришь мнѣ ласковыя слова.

И, сойдя отъ пальмовой тѣни къ лагунѣ, они пошли по рифу. Гудѣлъ прибой. Обдаваемая искрящимся алмазнымъ дымомъ, королева ступала первой, съ довольной улыбкой слушая, какъ мужъ ея восторженно шепталъ ей вслѣдъ:

— Если бы я даже умеръ сейчасъ, я сказалъ бы, что никто на свѣтѣ не зналъ счастья любви, подобнаго моему. О, моя милая — пусть никогда не восходитъ солнце!

Вдругъ королева оступилась на скользкомъ рифѣ — и не успѣлъ Тефай подать ей руку, какъ она была увлечена въ водоворотъ.

— Не забывай меня, любимый мой! — успѣла она только крикнуть, исчезая.

Бросился за нею Тефай въ потокъ, увидѣлъ, что вся вода освѣщена отъ звѣздъ и въ глубинѣ, въ пещерѣ, между кораллами ждетъ его колдунъ Уати и смѣется

злобнымъ хохотомъ, держа въ рукахъ свой волшебный ключъ.

— А, я поймалъ-таки тебя, великанъ — закричалъ онъ. Каждый платитъ за свое счастье. Ты не хотѣлъ солнца—забудь его. Теперь скажи — кто сильнѣе изъ насъ? — и, прикоснувшись ключомъ къ Тефаю, превратилъ его въ могучую океанійскую рыбу.

Нынѣ она спитъ на самомъ глубокомъ днѣ — и никогда не показывается кверху. Только безчисленныя дѣти ея любятъ играть на морской поверхности и сопровождать плавающія суда, не боясь человѣка.

Бѣлые зовутъ этихъ веселыхъ рыбъ дельфинами, а мы называемъ ихъ Оуа.

ЛЕГЕНДА ОБЪ АРОРУА

ВѢЧНО-ЮНОЙ СТРАННИЦѢ УЩЕЛІЙ.

Въ тѣ времена, когда на островѣ Таити цвѣты пахли еще сильнѣе и народу было въ десять разъ больше — на плоскогорьи Теману, птичьемъ мѣстѣ, правилъ могучій начальникъ племени Тави.

Труденъ доступъ на эту землю и тропинки къ ней круты. Ночи тамъ холодны, какъ ключевая вода и дни свѣжи, какъ дыханіе молодой дѣвушки. Вся цѣпь таитянскихъ горъ раскинута передъ этимъ садомъ — Орофена, скалистый звѣрь, Рапетауэ, зубчатый вѣнецъ, Аораи, съ чьей вершины видна вся вселенная. Бывало, любили люди, усѣвшись, какъ орлы надъ обрывомъ, смотрѣть на зеленую радость, разстилавшуюся передъ ними и на облачный дымъ, клубящійся внизу. Иногда они кричали отъ изумленія: вдругъ оттуда, какъ кошка, выпрыгивалъ волосатый колдунъ Таху-таху и, скача черезъ радуги съ вершины на вершину, вереща, звалъ своихъ духовъ. Тогда еще пуще гремѣла гроза, молніи перепоясывали небо и

лиловыя полотнища дождей повисали и надъ пропастями и надъ горою Орофена, гдѣ колдунъ построилъ свой домъ. Какъ то, послѣ долгихъ бурь, Таху-таху выпрыгнулъ изъ облаковъ и заверещалъ въ бѣшенствѣ:

— Уже два мѣсяца вода льетъ по мнѣ, точно бъ я былъ морскимъ слизнякомъ, а ты сидишь и грѣешься на солнцѣ, подъ своими хлѣбными деревьями, Тави. Давай мнѣ половину твоей земли, если хочешь жить въ мирѣ.

— Ароруа, жена моя, — воскликнулъ Тави въ нетерпѣніи. — Хочешь ли ты слушать дальше, какъ онъ тревожитъ покой нашихъ дѣтей, реветъ ночью и заставляетъ младенцевъ въ люлькахъ кричать отъ ужаса? Покажи ему свою силу, Ароруа.

Былъ у Ароруа чудесный лукъ. Онъ металъ стрѣлы отъ земли до самой луны и пробивалъ горы, какъ легкіе листья.

Смѣясь, пустила Ароруа стрѣлу и она, пройдя черезъ тучи, ударилась въ скалу у самой пяты колдуна, обдавъ его щебнемъ.

— Берегись же, — закричалъ Таху-таху въ ярости. — Недолго тебѣ наслаждаться солнцемъ. Если нельзя будетъ васъ взять силой, я возьму васъ хитростью — и тебя и твоихъ дѣтей, храбрецъ. Запомни мои слова!

Въ тотъ же вечеръ, обезпокоенный страннымъ предчувствіемъ, Тави призвалъ своихъ дѣтей и повѣсилъ имъ на шею два заколдованныхъ камешка.

— Храните ихъ, — сказалъ онъ дѣтямъ — и не тронетъ васъ ни стрѣла ни мечъ, и будетъ дана власть надъ вашей жизнью только звѣрю.

А черезъ нѣсколько дней самъ онъ былъ найденъ въ глухомъ лѣсу убитымъ неизвѣстно кѣмъ. Ароруа заступила дѣтямъ мѣсто отца.

Каждый мѣсяцъ, какъ обычно, взявъ слугъ, она спускалась къ океану за папе мити*). Однажды, выку-

*) Папе-мити — морская вода. Ее смѣшиваютъ съ ли-

павшись въ лагунѣ, нашла она огромное яйцо около своихъ платьевъ. Любопытная, положила Ароруа его въ свою сумку и, придя домой, зарыла яйцо въ соломѣ.

Вскорѣ оттуда неожиданно вылупилась веселая зеленая ящерица и радостно забѣгала между хижинами.

Какая чудесная игрушка! —закричали дѣти Ароруа, захлопавъ въ ладоши и взявъ ящерицу къ себѣ, стали съ ней играть каждый день.

Черезъ мѣсяцъ звѣрь сталъ не меньше собаки и все прибавлялся въ ростѣ, но не мѣнялъ своего веселаго характера. Онъ каталъ дѣтей на себѣ верхомъ, учился понимать человѣческія слова, а когда всѣ уходили въ лѣсъ, оставался сторожить домъ. Такъ огромная ящерица стала семейству вѣрнымъ другомъ.

Разъ къ вечеру, когда Ароруа со слугами опять спустилась съ горъ къ океану, и дѣти оставались одни, ящерица сказала имъ сладко:

— Полѣземъ на эту высокую пальму, мои друзья, — вы впереди, я сзади. Кто изъ васъ доберется до вершины первымъ, будетъ кататься на мнѣ цѣлый день. Живо закарабкались дѣти по стволу, но не успѣли добраться и до половины, какъ ящерица, быстрѣе молніи вскочила вслѣдъ — и слопала ихъ всѣхъ своею огромною пастью.

Надо ли говорить, что на самомъ дѣлѣ это былъ Таху-таху, желавшій хитростью разрушить чары заколдованныхъ камешковъ Тави и для этого ставшій звѣремъ?

Съѣвъ дѣтей, онъ довольно заснулъ подъ пальмами и когда Ароруа, явившись домой, увидѣла его съ непомѣрно раздутымъ животомъ и ни одного изъ дѣтей своихъ въ хижинѣ, она сразу поняла несчастье и

моннымъ сокомъ и кокосовымъ молокомъ и приправляютъ ею кушанья.

схватила свой волшебный лукъ. Но Таху-таху уже былъ далеко. Однимъ прыжкомъ распластавшись въ воздухѣ, онъ скакнулъ черезъ всю огромную пропасть рѣки Тератэ и засѣлъ между зубцами горы Рапетауэ.

Когда всѣ скалы ея были изрѣшетены стрѣлами, Таху-таху скакнулъ далѣе къ себѣ на гору Орофена.

— Отдай моихъ дѣтей, — рыдала Ароруа. — Возьми мои земли, возьми меня самое въ плѣнъ, но отдай мнѣ моихъ дѣтей, обманщикъ.

— Ты красива, Ароруа! — кричалъ ей насмѣшникъ въ отвѣтъ. — Я возьму тебя къ себѣ въ домъ, ты будешь мнѣ дѣлать каву*), а когда, опьяненный, я засну, ты убаюкаешь меня своею пѣсней. Ты будешь моею рабою, гордая женщина.

И онъ хохоталъ, торжествуя.

Тогда, кликнувъ людей, Ароруа пошла въ походъ на звѣря. Солнце помутилось отъ посылаемыхъ ею стрѣлъ и тѣни ихъ легли на долину Орофена, какъ тѣнь отъ тяжелаго облака. Гонимый преслѣдованіемъ, ящеръ сдѣлалъ третій гигантскій прыжокъ и засѣлъ на самой вершинѣ Аораи, въ чертогахъ бога Вѣтра. Когда къ вечеру онъ высунулся посмотрѣть, гдѣ его враги, онъ закричалъ отъ боли и отъ бѣшенства: двѣ стрѣлы Ароруа выкололи ему глаза. Уже ничего не видя, всей темной массой своей звѣрь скакнулъ въ долину рѣки Фатауа и тамъ разбился на мелкія части. Хвостъ его отскочилъ и тонкой пылью разсѣялся по долинѣ. И тотчасъ же изъ каждой пылинки его выросъ тонкій и хрупкій, ни на что не годный бамбукъ. Онъ растетъ тамъ и донынѣ.

Когда Ароруа спустилась внизъ и увидѣла тѣла своихъ погибшихъ дѣтей, она сломала свой лукъ и,

*) Туземный напитокъ, распиваемый въ особо-торжественныхъ случаяхъ.

покинувъ своихъ людей, пошла вдоль по ущелью, какъ ночью ходятъ люди, заколдованные луной. Поздно, подъ звѣздами, она сидѣла у водопада и внимательно слушала его шумъ. Ей казалось, что голоса ея дѣтей зовутъ ее сквозь водный грохотъ.

На разсвѣтѣ изъ водопада вышелъ бѣлый духъ Воды и сказалъ ей:

— Велико горе твое, Ароруа, и мы жалѣемъ тебя, какъ родную дочь. У насъ нѣтъ силъ возвратить жизнь твоимъ дѣтямъ, но за твое страданіе мы можемъ дать тебѣ драгоцѣнный даръ. Купайся въ струяхъ водопада каждый день, и ты будешь владѣть даромъ юности, сохраняемой вѣчно.

...Такъ появилось на Таити вѣчно-юное существо. Ея красота дика и прекрасна, какъ сама природа долины Фатауа.

Но если ночью въ ущельяхъ, путникъ услышитъ тяжкіе вздохи и плачъ и горькій крикъ, — онъ знаетъ, что это плачетъ о своихъ погибшихъ дѣтяхъ бѣдная Ароруа, вѣчно-юная странница ущелій...

Photo Mrs K. Speirs.

Рыбакъ

Ловля рыбы гарпуномъ
въ лагунѣ

Photo Mrs K. Speirs.

Садъ Поля Гогэна, въ деревнѣ Пуновія на Таити

Photo Mrs K. Speirs.

Передъ островомъ Моорэа

ЛЕГЕНДА О ПУТОТОУРѢ, КНЯЗѢ ДУХОВЪ И КРАСАВИЦѢ ТЕРАЙ-ВАГИНЭ.

Ты знаешь, какъ трудно попасть на Мопити, ибо лежитъ онъ далеко въ океанѣ и входъ въ его лагуну узокъ, какъ горло тыквы, въ которой хранятъ воду про запасъ. Вотъ почему издавна, какъ мѣсто спокойное, избрали его своимъ пристанищемъ добрые и злые духи.

Народъ жилъ внизу, духи жили на горѣ Урафаатія. Оттуда все видно: и Таа и Райатэа и если ты самъ превратишься въ духа — откроется тебѣ все пространство воды — Таити и Маркизовы острова и даже увидишь ты высокія пальмы на низкихъ островахъ Туомоту, гдѣ ловцы добываютъ жемчугъ.

Много лѣтъ тому назадъ правилъ добрыми духами Мопити король ихъ Путотоура. Онъ жилъ на западной сторонѣ острова и имѣлъ нѣкую чудную власть превращать всѣ предметы вокругъ него въ собакъ и птицъ, а самъ принимать, по своему желанію, всѣ образы человѣка.

Однажды, съ попутнымъ вѣтромъ пріѣхала съ острова Уаинэ на Мопити красавица Терай-Вагинэ.

Развѣ никто не знаетъ, что женщины любопытны, какъ котята?

Услышавъ про Путотоура — Терай-Вагинэ захотѣла увидѣть князя духовъ во что бы то ни стало, хотя онъ и никогда не показывался людямъ. Стала она бродить по острову и выглядывать изъ-за кустовъ и, дѣйствительно, въ уѣздѣ Хороману увидѣла Путотоура, принявшаго образъ такой красоты, что Терай-Вагинэ сразу въ него влюбилась безъ памяти.

Умъ влюбленныхъ — самый быстрый изобрѣтатель.

Придя въ деревню Петей, гдѣ она жила, красавица сплела огромный вѣнокъ изъ самыхъ пахучихъ цвѣтовъ, какихъ только она могла найти и, закрывъ имъ себя, поѣхала на своей пирогѣ къ дому волшебника.

Вѣтеръ, летѣвшій къ берегу, донесъ до него запахъ цвѣтовъ.

— Эй! — закричалъ Путотоура своимъ духамъ. — Ты, — Крылатый Огонь. Ты — Веселый Вѣтеръ. Ты — Голубое Облако — летите, посмотрите, кто тамъ ѣдетъ на этой пирогѣ и отнесите ко мнѣ. Можетъ быть это плывутъ цвѣты со счастливаго Острова Влюбленныхъ. Нѣтъ цвѣтовъ, болѣе душистыхъ, чѣмъ они, на всей землѣ.

Подлетѣвъ къ пирогѣ, духи увидѣли красавицу, стыдливо спрятанную подъ ея вѣнкомъ и принесли ее къ своему повелителю.

Тутъ закричалъ обрадованный Путотоура: — Позовите веселый громъ съ неба играть намъ, поставьте радуги надъ моею горою, пойте и танцуйте самые сладкіе танцы. Никогда я еще не видѣлъ болѣе прекраснаго человѣческаго лица.

И, окликнувъ всѣхъ духовъ острова на пиръ, собралъ ихъ великое множество.

Была тутъ Хуріама, фея ночи, покрытая млечнымъ путемъ, Нинахерэ, богъ моря, одѣтый въ искристый плащъ, и лисица Аропэ, добрый духъ, помощникъ людямъ.

Были тамъ дѣвушки настолько прекрасныя, что звѣзды падали съ неба подъ ноги къ нимъ отъ любви и юноши, настолько мужественные, что Хина, богиня луны, увидѣвъ ихъ, заперлась въ своемъ бирюзовомъ дворцѣ, плача, что у нея нѣтъ подобнаго сына.

Былъ тамъ и самый большой гигантъ острова Моуапо, что головой упирался въ облако, а ногами касался морского дна.

Увидѣвъ Терай-Вагинэ, онъ тоже влюбился въ красавицу и захотѣлъ ее украсть.

Когда вся кава была выпита, пляски стихли и подъ утро заснули всѣ пирующіе, взялъ гигантъ спящую Терай-Вагинэ въ корзину и убѣжалъ съ нею въ свой домъ.

Проснувшись утромъ и узнавъ о пропажѣ, Путотоура заплакалъ отъ горя и, превративъ всѣ цвѣты острова въ птицъ, спряталъ ихъ сзади своего войска и пошелъ войною на гиганта.

На берегу маленькой рѣчки Войхау, что уже не течетъ больше, встрѣтились они. Закричали цвѣты, превращенные въ птицъ, поднялись полчища духовъ Путотоура и, услышавъ такой крикъ, устрашился гигантъ несмѣтной силы своего противника,

Бросивъ мечъ, онъ закрылъ себя дымомъ брызгъ и, оставивъ Путотоура красавицу, исчезъ въ воздухѣ.

— Спасибо, — сказалъ Путотоура превращеннымъ цвѣтамъ, — хорошо вы кричали сегодня, славно вы помогли мнѣ противъ моего врага.

Теперь выбирайте: или идите опять къ себѣ на деревья, прикрѣпитесь къ вѣткамъ своимъ и даруйте жизнь новымъ цвѣтамъ и плодамъ. Или же, если хотите

воли — оставайтесь птицами, мѣрьте воздухъ и будьте крылатыми, цвѣты.

Но не захотѣли больше цвѣты сидѣть неподвижно на вѣткахъ, кромѣ одного тюльпана борао, и цѣлою тучей птицъ разсѣялись по всѣмъ островамъ океана.

А Путотоура, справивъ свадьбу, удалился со своей женой на гору Урафаатію и превратилъ вѣнокъ, покрывавшій Терай-Вагинэ въ пирогѣ, въ большую и вѣрную собаку, охранявшую ихъ домъ.

Послѣ женитьбы сдѣлался Путотоура еще добрѣе и, когда со своей горы видѣлъ непріятельскіе корабли, шедшіе войною на островъ, онъ наклонялся и кричалъ внизъ людямъ объ опасности. Жители собирали оружіе и высаживались у входа въ лагуну на окружныхъ островкахъ, и отражали врага.

Такъ сталъ Мопити самымъ счастливымъ островомъ, не знавшимъ раззора войнъ, любимымъ духами и богами.

Не забылъ волшебникъ и цвѣтка борао, захотѣвшаго снова сѣсть на свою вѣтку.

Осыпалъ онъ все дерево цвѣтами, словно одѣлъ плащемъ и далъ ему такое изобиліе, что и теперь оно цвѣтетъ почти круглый годъ, не уставая...

ЛЕГЕНДА О РОЖДЕНІИ КОКОСОВОЙ ПАЛЬМЫ.

Случилось это на островѣ Таа въ незапамятное время...

Разъ, въ ранній утренній часъ, когда птицы поютъ сильнѣе и лѣса сверкаютъ такимъ зеленымъ блескомъ, что становится больно глазамъ, — ловили мужъ съ женой креветокъ въ рѣкѣ въ то время, когда ихъ красавица дочка купалась въ сосѣднемъ гротѣ. Наловивъ великое множество креветокъ, пошли родители домой и вдругъ услышали за собою необычный шумъ.

Гигантскій угорь поднялся изъ грота и поползъ вслѣдъ за ними, крича человѣческимъ голосомъ:

— Какъ вы осмѣлились убить почти весь подвластный мнѣ народъ? Я — король здѣшней рѣки. Стойте, внимайте моему слову: за то, что вы лишили меня моихъ вѣрныхъ слугъ, вы должны теперь отдать за меня замужъ вашу дочку. Если же завтра утромъ вы не приведете ее въ мой зеленый гротъ — я иду на васъ войною и истреблю всю вашу деревню.

Прибѣжали въ деревню родители, собрали совѣтъ и такъ ужасно описали величину гигантской рыбы, что народъ рѣшилъ — лучше отдать одну дѣвушку, чѣмъ погибать всему острову — и, одѣвъ на красавицу вѣнокъ и брачное платье, родители отвели ее въ гротъ.

Спустилась ночь, никто не приходилъ къ дѣвушкѣ, а когда утромъ она проснулась — увидѣла около себя столъ, накрытый вкусной ѣдой, и драгоцѣнныхъ рыбъ, плававшихъ около, веселя ея взоры.

— Ау! — закричала дѣвушка.

— Ау, — неожиданно откликнулся угорь изъ кустовъ. — Я здѣсь, сестра моя дорогая. Такъ буду я тебя звать. Прости меня, что я взялъ тебя отъ твоихъ веселыхъ подругъ, отъ твоего дома. Я плавалъ въ рѣкѣ, когда ты купалась и такъ поразился твоей красотой, что захотѣлъ видѣть ее вѣчно. Хорошо тебѣ будетъ жить на моемъ рѣчномъ привольи и не увидишь ты меня никогда, ибо не смѣю я пугать своимъ безобразіемъ твою красоту. Рѣзвись, играй съ бабочками, пой мнѣ свои пѣсни. Больше мнѣ отъ тебя ничего не нужно...

Каждый день, вставая и ложась, пѣла дѣвушка своему мужу и стала между ними большая дружба.

Черезъ мѣсяцъ попросилась она въ деревню на три дня повидать своихъ родныхъ — отпустила ее рыба и повѣдала красавица людямъ о томъ, какой у нея странный мужъ и какой у него хорошій характеръ.

Тутъ начальникъ племени сказалъ ей:

— Сиди здѣсь и не ходи къ нему больше. Что ты будешь губить свою молодость въ гротѣ, вмѣстѣ съ рыбами, когда у насъ каждый вечеръ пляски и веселье и уже пришла твоя пора выбирать своего настоящаго мужа.

Правда! — воскликнулъ отецъ дѣвушки, скучав-

шій безъ дочки. — Я былъ трусомъ. Стыдно людямъ быть въ услуженіи у рыбъ. Пусть онъ придетъ къ намъ только — мы хорошо встрѣтимъ его. Я даю свою жизнь за искупленіе такого позора.

Прошло три дня. Утромъ на четвертый день, едва пѣтухи захлопали крыльями и женщины пошли къ хлѣбнымъ деревьямъ сорвать для утренней пищи ихъ плоды — гигантскій угорь внезапно появился въ деревнѣ. Онъ ползъ и требовалъ съ горькимъ плачемъ:

— Гдѣ моя сестра? Отдайте мнѣ сестру мою дорогую. Еще вчера вечеромъ она должна была придти ко мнѣ. Отдайте мнѣ царицу всѣхъ моихъ рыбъ.

Не захотѣли люди своего новаго срама, схватили мечи — и начался бой. Отрубили рыбѣ голову — глядь, другая растетъ.

Отрубили другую — глядь, третья растетъ.

Отрубили третью — четвертая растетъ.

Восемь головъ отрубили, девятая выросла и все билась рыба и съ плачемъ требовала дѣвушку, называя ее своей сестрой.

Наконецъ, подошелъ начальникъ племени и отрубилъ ей девятую голову — и десятой уже не появлялось.

Только успѣлъ пробормотать угорь:

— Не бросайте меня напрасно. Возьмите всѣ мои девять головъ и закопайте въ землю вокругъ хижины моей возлюбленной.

Подивились люди, но сдѣлали такъ, какъ сказала рыба.

На другой день проснувшись, дѣвушка увидѣла: девять высокихъ стройныхъ и тонкихъ пальмъ поднялись у ея дома, шумя молодой листвою.

Изумленная, она подошла къ нимъ — и огромный крѣпкій орѣхъ свалился подъ ея ноги. Очистивъ его, красавица замѣтила двѣ круглыхъ черныхъ точки на

его концѣ и показалось ей, что онѣ смотрятъ на нее совсѣмъ какъ глаза ея бывшаго мужа.

Едва дѣвушка отколола остріе коры и стала пить сладкій сокъ, сокрытый подъ нею, какъ вдругъ тихо-тихо зашепталъ ей орѣхъ:

— Здравствуй, сестра моя, дорогая. Это я, твой рѣчной братъ, говорю съ тобою. Теперь, когда ты захочешь пить изъ орѣха, ты уже вѣчно будешь цѣловать мой ротъ, дарующій усладу, а я смотрѣть на твою красоту своими новыми глазами. Не думай, что только людямъ дано счастье безмѣрной любви. А такъ какъ нѣтъ любви, что не приносила бы въ міръ драгоцѣнный даръ, пусть же пальма будетъ міру моимъ даромъ— знакомъ моей дружбы, не требующей награды...

И вотъ съ этихъ поръ, на всѣхъ островахъ, гдѣ жарко солнце, зашумѣли зеленые волосы волшебнаго дерева, дающаго намъ кровъ, огонь, воду, масло, молоко, пищу, сахаръ, нѣжные вѣнки для украшенія головъ — и ничего не требующаго для себя въ награду...

Путникъ! Какъ же не благодарить намъ солнце щедрыхъ небесъ за великое плодородіе, расплеснутое имъ у нашихъ береговъ, когда наша земля полна чудесами?..

ЛЕГЕНДА О ТУРИВѢ, ПОБѢДИВШЕМЪ СМЕРТЬ.

Жилъ бѣдный человѣкъ Турива, чистая душа.

Захотѣлось ему посмотрѣть иныя земли — и нанялся онъ матросомъ на военную пирогу, шедшую противъ острова Ририпу.

Но начальникъ отряда былъ такъ жестокъ, что разсердилъ самого Нинахерэ, бога воды и рыбной ловли, и тотъ, блеснувъ своимъ копьемъ, потопилъ пирогу. Погибли всѣ, кромѣ Турива, схватившагося за балансъ.

Полумертвый, онъ былъ уносимъ теченіемъ, теряя силы и прощаясь съ земною жизнью.

Когда онъ уже былъ готовъ выпустить кусокъ державшаго его дерева изъ своихъ рукъ, вдругъ онъ увидѣлъ громаднаго бога-акулу Туратай, сказавшаго ему:

— Акулы собрались съѣсть тебя, Турива. Вотъ онѣ уже идутъ плотной стаею за тобой. Я знаю, что ты

человѣкъ хорошій и никому въ жизни не сдѣлалъ зла и я хочу спасти тебя. Садись на мою спину.

Взяла она Туриву на свою громадную черную спину и бросила на неизвѣстный островъ, какъ приливъ бросаетъ слабое водное растеніе.

Сколько времени пролежалъ тамъ на пескѣ Турива — невѣдомо, но когда онъ проснулся, то услышалъ, что кто-то его щекочетъ по головѣ.

Вначалѣ подумалъ онъ, что это песчаныя блохи забрались къ нему въ волоса, но ошибся.

Были это люди, настолько маленькіе, что всѣ они скрылись въ траву, какъ муравьи, едва Турива поднялся.

Тогда онъ снова легъ. Одинъ человѣчекъ выползъ изъ травы и закарабкался по его ногѣ.

Схватилъ его Турива, поставилъ на ладонь и сталъ разсматривать.

Видитъ: открываетъ человѣчекъ свой ротикъ, пыжится и что-то кричитъ, но все же ничего не слышно. Снова приложилъ Турива голову къ землѣ, тутъ собрались къ нему человѣчки цѣлой тучей и, свернувъ листики, какъ трубы, закричали:

— Разъ ты попалъ въ наше царство, не думай убѣгать, потому что насъ здѣсь больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ и мы всегда побѣдимъ тебя. Слушайся насъ и будь нашимъ королемъ. У насъ есть дѣвушка немного меньшаго роста, чѣмъ ты, выброшенная къ намъ бурею — мы даримъ ее тебѣ въ жены и она станетъ нашей королевою. Вставай и бери корону.

Тутъ тучи человѣчковъ привезли къ нему дѣвушку чудной красоты и на мараэ, въ часъ вѣнчанія, главный жрецъ ихъ издалъ законъ: если кто нибудь изъ супруговъ умретъ — другой будетъ погребенъ вмѣстѣ съ нимъ заживо.

Стали сладко жить король съ королевой въ своемъ

новомъ дворцѣ и полюбилъ жену свою Турива за умъ, ясный, какъ горный ручей, за красоту, сверкающую, какъ полдневный свѣтъ, за сердце, доброе, какъ сердце матери.

Но развѣ вѣчно человѣческое счастье? Черезъ нѣкоторое время королева заболѣла и умерла.

Сдѣлали человѣчки каменный гробъ, положили туда королеву и подняли гробъ на веревкахъ вмѣстѣ съ Туривой въ высокій скалистый гротъ надъ водою.

Тамъ, обнявши гробницу, плакалъ безутѣшный Турива о своей потерѣ и слезы его были такъ жарки, что надгробный камень растаялъ, какъ таетъ облако отъ жары и Турива снова увидалъ свою жену.

Дрожащій отъ радости, поднялъ онъ ее осторожно къ себѣ на руки, сталъ гладить ее и дышать на нее и такъ молиться богу Карема:

— Карема, великій богъ мертвыхъ душъ. Имѣй жалость ко мнѣ. Я чужой на этой землѣ. Зачѣмъ тебѣ сейчасъ нужна моя молодая жена? Вѣдь все равно мы не уйдемъ съ нею отъ твоего подземнаго мрака. Дай же намъ посмотрѣть вмѣстѣ на солнечный свѣтъ — вѣдь мы же такъ любили другъ друга.

Вдругъ услышалъ Турива вѣяніе сильнаго вѣтра въ гротѣ и пятно свѣта, приближающееся къ нему изъ сумерекъ. Испугался Турива, почуялъ, что кто-то дохнулъ на него и увидѣлъ добраго духа Аропэ, принявшаго видъ лисицы.

Сѣла лисица около королевы и стала дышать ей въ ноздри и въ лицо — и вотъ проснулась жена Туривы.

Бросились они обнимать другъ друга, плача отъ радости — но когда захотѣли выдти изъ грота, увидѣли только море, разстилавшееся впереди, какъ въ синей безднѣ.

Пошли они тогда слѣдомъ за Аропэ и снова замѣ-

тили свѣтъ: скала впереди нихъ раскрывалась сама собой и всѣ они вышли на берегъ океана.

Тамъ уже шелъ бой ихъ маленькихъ человѣчковъ, спорившихъ изъ-за новаго короля.

Крикнулъ на нихъ Турива, бросился въ море, рознялъ бойцовъ, забралъ всѣ ихъ пироги и, сложивъ ихъ вмѣстѣ, смастерилъ большой плотъ и уѣхалъ съ острова навѣки.

Вечеромъ причалили они къ землѣ, неизвѣстной и скалистой, развели костеръ и легли спать.

Въ полночь, два дикихъ людоѣда, вооруженныхъ человѣческими костьми, пришли къ нимъ и взяли Турива съ женою къ себѣ въ плѣнники.

Не зная, какъ умилостивить ихъ, свернулъ Турива листъ имѣвшагося съ нимъ табака и далъ покурить людоѣдамъ.

Затянувшись, какъ слѣдуетъ, тѣ сдѣлались какъ пьяные, назвали Туриву богомъ и, упавъ ему въ ноги, возвратили свободу.

Снова отправившись въ путь, черезъ много дней Турива причалилъ къ острову ослѣпительной красоты. На немъ никого не было. Тамъ рѣшили они поселиться, выростили девятнадцать дѣтей и двѣсти внуковъ и потомство ихъ наполнило всѣ наши острова.

А такъ какъ Турива былъ добръ и жена его прекрасна, стали океанійскія дѣвушки добры, а мужчины красивы, какъ красива была жена Турива.

СОНЪ КОРОЛЕВЫ МЕРЕХУО.

Когда еще у насъ не было ни бѣлыхъ, ни черныхъ, ни желтыхъ людей, а были только одни океанійцы — правила молодая королева Мерехуо островомъ Уаинэ.

Жила она въ своемъ дворцѣ, составленномъ изъ двухъ домовъ.

Въ одномъ она любила смотрѣть утреннюю, въ другомъ вечернюю зарю.

И не хотѣла выходить замужъ королева.

Но вотъ однажды пріѣхалъ на островъ Уаинэ храбрый таитянскій князь Оримай, влюбилась въ него королева, поженились они и стали счастливы.

Три года прошли надъ островомъ, какъ легкія облака. На Таити загорѣлась война и, какъ ни просила королева своего мужа — оснастилъ онъ полтораста военныхъ пирогъ, собралъ войско и уѣхалъ на Таити помогать родичамъ.

Когда скрылись суда его за водной чертою, пришла королева къ себѣ домой, зарыдала — и лишилась чувствъ.

Утромъ приближенные нашли ее безъ дыханія въ постели; тѣло ея было холодно, но глаза еще красны отъ слезъ.

И настало на островѣ великое горе.

Дѣвушки остригли свои косы, мужчины выбрили себѣ головы, плакальщицы пришли ко дворцу, въ знакъ печали прекратились всѣ работы.

Украшенная цвѣтами, королева лежала въ своемъ дворцѣ на длинномъ помостѣ — прекрасная, какъ въ самый день обрученія.

Какъ пловецъ сквозь воду, слышала она страшный плачъ ея народа, но не могла ни пошевельнуться, ни раскрыть глаза, хотя она не была мертва.

Она видѣла удивительный сонъ.

Казалось королевѣ, будто взошла она на самую высокую гору Уаинэ и очутилась передъ неизмѣримо длинной, бѣлой лѣстницей, ведшей прямо на небо.

Стала она по ней подниматься — и открылись ей всѣ острова и всѣ страны свѣта.

Посреди нихъ, какъ граненый зеленый кристалъ поднимался островъ Таити, къ которому подплывалъ чудесный корабль.

Онъ былъ огроменъ, широкъ и по-новому оснащенъ и везъ дотолѣ ей неизвѣстные народы.

Тутъ были люди, бѣлые, какъ молоко, желтые и сморщенные, какъ плоды дерева Тонина, красные, какъ плоды Тапо-тапо, черные, какъ камни у водъ, и всѣ они съ остервенѣніемъ дрались другъ съ другомъ, но изъ всѣхъ ихъ — бѣлыхъ, черныхъ, желтыхъ и красныхъ текла одна и та же алая кровь.

И каждое племя кричало, что міръ долженъ принадлежать ему, но судномъ все же правилъ бѣлый капитанъ.

Поднялась королева дальше по лѣстницѣ и вышла на облака, лежавшія подъ нею волнистымъ полемъ.

Выше ихъ, на самомъ свѣтломъ облакѣ, сидѣлъ Карема, богъ мертвыхъ душъ.

— Опусти глаза твои внизъ, — сказалъ онъ строго королевѣ, когда она пожелала взглянуть на него. — Ты еще не мертва и не можешь знать всей тайны міра. Но я захотѣлъ, чтобы ты увидѣла многое и, вернувшись, повѣдала народу своему. Лети впередъ!

И два свѣтлыхъ духа взяли королеву подъ руки и она, несомая ими, помчалась надъ океаномъ прямо къ Таити.

Какъ ѣдущій съ пироги видитъ всѣ камни на днѣ, — видѣла королева все совершающееся подъ нею.

Въ уѣздѣ Папара, у высокихъ ея зеленыхъ скалъ и ущелій, отягощенныхъ деревьями, шелъ бой, горѣли деревни.

У устья ея широкой рѣки раздавались боевые клики.

Тамъ мужъ ея, Оримай, стоялъ на носу пироги, пуская стрѣлы, не видя грозившей ему засады.

Когда пирога его, гоня обступавшаго врага, вступила въ устье, — стрѣлы посыпались на нее, какъ звѣзды съ неба и всѣ, кто былъ въ ней, полегли вслѣдъ за самимъ принцемъ.

И произошло чудо: раскрылись двери тѣлъ и души борцовъ, освобожденныя, поднялись изъ нихъ на воздухъ.

— Куда летишь, любимый мой! — закричала своему мужу королева, летя за душами. — Вѣдь это я, жена твоя, Мерехуо.

— Я не могу смотрѣть на тебя, — отвѣтила ей душа, потому что я слѣпая.

Всѣ онѣ летятъ на островъ Эймэо, — отвѣтили несшіе королеву духи. — Тамъ есть два камня — камень жизни ofai ora и камень смерти — ofai pone.

Если онъ сядетъ на первый изъ нихъ — богъ

Карема долженъ дать ему жизнь. Если сядетъ на второй — онъ уйдетъ отъ тебя безвозвратно.

Знала королева эти камни и, помчавшись впереди мужа, сѣла на камень жизни и, закричавъ, позвала Оримая вслѣдъ за собой. Послушалась ее его душа — и тутъ раскрыла глаза.

— Какой красивый свѣтъ сіяетъ надъ океаномъ — прошептала она восхищенно. — Какъ я долго спала.

И вдругъ, вспорхнувъ, полетѣла обратно къ своему тѣлу.

Но другія души не услышали голоса королевы и, сѣвъ на камень смерти, вскорѣ покорно отправились къ заливу Пао-Пао на гору Моупута.

Тамъ онѣ заплакали, жалуясь на свою ожесточенность, и проклинали свой братскій бой. Потомъ, сѣвъ на прозрачныя пироги, приготовленныя въ заливѣ для отходящихъ душъ — поднялись на нихъ на воздухъ и поплыли въ нихъ на островъ Райатэа.

На горѣ Тапіей, плоской, какъ столъ, былъ ихъ новый привалъ.

На ней встрѣтили они души умершихъ на ближайшихъ островахъ; между ними узнала королева и свою кормилицу Тетуа.

Почему ты здѣсь Тетуа! — воскликнула королева.

Обрадовалась та и залепетала:

— Какъ хорошо, что ты нашла меня, дитя мое. Я умерла отъ горя, узнавъ о твоей смерти.

— Развѣ я умерла? — спросила королева. — Мнѣ кажется, что мнѣ это только снится. Лети за мною, можетъ быть ты еще вернешься къ жизни.

И вдругъ, душа Тетуа превратилась въ маленькую птичку и полетѣла вслѣдъ за другими душами.

На островѣ Бора-Бора, на горѣ Тарапайя, спустились ихъ пироги второй разъ.

И души взрослыхъ стали молить души маленькихъ

дѣтей, бывшихъ вмѣстѣ съ ними, плыть первыми, дабы умилостивить своимъ невиннымъ видомъ бога Карема.

И вотъ прибыли они на низкій островъ Тубаиману, гдѣ не было ни одного живого человѣка.

Весь прибрежный песокъ былъ исчерченъ слѣдами пирогъ, прибывавшихъ туда ранѣе.

Въ глубинѣ острова, подъ пальмами, сидѣли тысячи душъ.

— И спросили прибывшіе:

— Куда мы поѣдемъ отсюда?

— Отсюда мы поѣдемъ въ вѣчную ночь По! — отвѣтили имъ съ тоскою тѣ, кто былъ тамъ ранѣе.

— Мы не хотимъ въ ночь! — закричали дѣти, — ночью страшно и темно, а мы хотимъ свѣта, чтобы можно было видѣть всѣ ракушки на берегу.

— Послѣ всякой ночи подымается солнце! — сказали души и вдругъ запѣли величаво и радостно, какъ войско поетъ передъ приходомъ вождя.

Тутъ сказали королевѣ несшіе ее духи:

— Тебѣ нельзя видѣть этого пока. Не торопись. И ты будешь вмѣстѣ съ ними.

Но все же однимъ краешкомъ глаза успѣла увидать королева, что нѣкоторыя души превратились въ птицъ, другія въ акулъ, третьи въ растенія, четвертыя вышли на лугъ, весь покрытый цвѣтами, и ставъ ихъ собирать, покрыли цвѣтами самихъ себя и исчезли подъ ними непостижимо...

Тогда раскрылись ея глаза и увидѣла она себя въ своемъ дворцѣ на душистомъ ложѣ и народъ ея, изумленный отъ радости, и своего любимаго мужа, вернувшагося съ войны — раненымъ, но живущимъ.

И начали всѣ пѣть и славить солнце; съ тѣхъ поръ принцъ Оримай уже никогда не ходилъ болѣе на войну.

ЛЕГЕНДА ОБЪ ОСТРОВѢ МИРА.

Въ тѣ времена, когда человѣкъ еще не зналъ войнъ, высоко-высоко надъ океаномъ поднималась благословенная земля человѣческой любви, золотой Островъ Мира. Какъ огромное сіяніе лился отъ него яркій свѣтъ. Ночью онъ велъ мореходовъ.

На три перехода отъ острова вокругъ его звучавшихъ музыкой скалъ дышала, никогда не тревожимая бурями, вода. Невозмутимая, она была настолько прозрачна, что, казалось, самъ воздухъ наполняетъ океанъ и пирога не плыветъ, а летитъ надъ новою, дотолѣ неизвѣстною коралловою землею.

Уже склонялись къ закату дни короля Орено и королевы Фиріа, когда дочка ихъ Пинета была объявлена невѣстой молодого Мереа, племянника короля и королевы.

Мереа былъ прозванъ Побѣдителемъ Пространствъ. Онъ имѣлъ палку, настолько чудесную, что, по желанію, она могла растягиваться отъ одного острова

до другого, и Мереа, вставъ на нее, переносился между ними, какъ по мосту, во время раздоровъ появлялся тамъ, гдѣ его не ожидали, и усмирялъ враждующихъ.

Незадолго до своего вѣнчанія, Пинета отправилась на маленькій островъ, носившій ея имя, взглянуть, какъ дѣвушки ткали ея платья и плели бусы и, застигнутая вечеромъ, осталась тамъ ночевать.

Подъ вечерними звѣздами она вышла къ лагунѣ посмотрѣть на зеленое сверканіе разбиваемыхъ волнъ. Князь подземнаго мрака Херевэ проѣзжалъ въ это время на своей невидимой воздушной ладьѣ надъ берегомъ.

— Гдѣ найду я лучшую невѣсту для своего сына? — воскликнулъ онъ, съ восхищеніемъ разглядывая красавицу своимъ единственнымъ глазомъ, сидѣвшимъ на огромномъ хоботѣ, на его лбу. И, прокравшись ночью во дворецъ, онъ схватилъ спящую Пинета и унесъ ее къ себѣ въ пещеру, закрытую огромной скалою.

Наутро Пинета съ ужасомъ увидѣла, что она лежитъ подъ каменными сводами и нѣкая чудовищная птица прикрываетъ ее своимъ крыломъ.

— Не бойся, — прокаркала ей птица глухо. — Я защищаю твои глаза отъ слишкомъ яркаго свѣта. Это я — твой новый женихъ Питамай, наслѣдникъ повелителя подземнаго мрака. Сегодня въ этомъ дворцѣ будетъ наша свадьба, Пинета. Чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе, я озарю пещеру всѣми гнилушками моего острова, а жабы и лягушки составятъ намъ брачный хоръ. Ты еще никогда не слышала такихъ замѣчательныхъ музыкантовъ. Посмотри на меня, какой я красавецъ. Ты будешь счастлива со мною, вкусное двуногое существо.

Завизжавъ отъ ужаса, Пинета вырвалась изъ-подъ

крыла. По лѣстницѣ, высѣченной внутри скалы, она достигла ея вершины.

Далеко подъ ея ногами ревѣлъ огромный океанъ; тяжелыя черныя тучи облагали его отъ края до края. Въ отчаяніи Пинета стала махать бывшимъ съ нею платкомъ, прогнала тучи, появилось солнце и Питамай, не могшій выносить солнечнаго свѣта, съ клекотомъ скрылся въ подземный мракъ.

Какъ дождь пролились слезы красавицы, долетѣли до Мереа ея тяжкіе вздохи. Взялъ тотъ свою волшебную палку, положилъ ее между Островомъ Мира и землею Херевэ и какъ по мосту прибѣжалъ къ своей невѣстѣ, гремя захваченной съ собою цѣпью.

Обвивъ цѣпью скалу, онъ вырвалъ ее, какъ гнилой зубъ и, взявъ Пинета на руки, какъ ребенка, побѣжалъ съ нею обратно.

Тогда, закрывъ солнце своими крыльями, Питамай, крича, поднялся надъ ними и бросилъ на нихъ яйцо, настолько огромное, что взбалмучился океанъ, заревѣла буря и волны стали захлестывать шаткій мостъ Мереа.

— Возьмись за другой конецъ моего платка, я возьмусь за этотъ — воскликнула Пинета. — Вѣтеръ дуетъ въ нашу сторону, онъ донесетъ насъ домой.

И Мереа съ Пинета полетѣли по воздуху, какъ летитъ судно подъ парусами. Но птица взмыла выше ихъ и бросила свое второе яйцо, бѣлокъ его разлился на воды и океанъ сталъ бѣлымъ, кипя отъ ярости.

Когда вѣтеръ донесъ путниковъ до царства спокойныхъ водъ, окружающихъ Островъ Мира, они снова спустились на мостъ и, закрывъ себя платкомъ, благополучно прибыли во-свояси. Взялъ тутъ Мереа свою палку и, вытянувъ ее до тучъ, замахалъ ею и убилъ птицу въ воздухѣ.

Справили веселую свадьбу Мереа и Пинета, а

вскорѣ король Орено и королева Фиріа навѣки закрыли свои глаза — и правленіе островомъ перешло къ новобрачнымъ. Черезъ годъ родился у нихъ сынъ, настолько прекрасный, что люди пѣли отъ радости, глядя въ его очи.

Двѣ недѣли шло празднество о его рожденіи.

Узнавъ объ этомъ, Херевэ, не спавшій отъ ярости послѣ гибели своего сына, подлетѣлъ къ дворцу, когда всѣ живущіе въ немъ были на пиршествѣ, и укралъ у Мереа его волшебную палку. И вотъ, вооруженный ею, онъ полетѣлъ надъ островами и съ высоты разрушалъ деревни, огороды и лѣса, и кричалъ жителямъ, что это дѣлаютъ люди другого острова, идя на нихъ войною.

Не помня себя, люди собирали пироги, высѣкали стрѣлы изъ камня, точили копья, брали щиты, и Тупапау — о, радость дурныхъ духовъ! — кричала отъ удовольствія, видя братскій бой.

Тутъ въ первый разъ затмился свѣтъ Острова Мира и вѣчно спокойное царство водъ его заколебалось глухо.

Въ отчаяніи, безсильный уже Мереа поднялся на самую высокую гору свою и закричалъ во всѣ концы, что если война не прекратится, свѣтъ острова погаснетъ совсѣмъ и онъ станетъ добычей подводныхъ глубинъ.

Никто не слушалъ его, — и впервые надъ островомъ ночью заворожилъ предвѣчный мракъ.

Когда солнце, упоенное кровью убитыхъ, встало надъ водами, люди сосѣднихъ острововъ закричали отъ ужаса: Островъ Мира, звуча всею музыкой своихъ холмовъ, излучая золотой свѣтъ своихъ вершинъ, торжественно уходилъ въ океанъ, какъ тонущій корабль, поглощаемый волнами. И никто не замѣтилъ даже, какъ послѣ его гибели, на гребняхъ закачалась

маленькая колыбелька, оставленная міру Мереа, какъ свой послѣдній даръ.

Въ ней тихо спалъ его сынъ — тотъ, при видѣ котораго недавно люди пѣли отъ радости, ликуя...

Ни одинъ изъ моряковъ не встрѣчалъ его послѣ, и чайки не пѣли намъ о немъ; никто, никто не знаетъ, гдѣ спитъ чудесный ребенокъ.

Но есть преданіе о томъ, что птицы кормятъ его и поютъ ему колыбельныя пѣсни и что младенецъ не растетъ и тихо спитъ, дожидая своего часа, когда человѣкъ забудетъ брань. Тогда внезапно онъ встанетъ, сынъ великаго Мереа, побѣдоносный, ликующій и ясный, и сказочный Островъ Мира, звуча музыкой, опять поднимется изъ Водъ...

ЛЕГЕНДА О ТРЕХЪ ВСАДНИКАХЪ НА НЕБѢ.

Всѣ сосѣди уже ушли съ рифа, наловивъ къ обѣду рыбъ; одинъ Хууири съ сыномъ своимъ Атонія еще стояли у волнъ, опустивъ удочки въ воду.

Между голубыми и лиловыми кораллами важно плавали рыбы слѣпительной красоты и ни одна даже и не посмотрѣла на приманку.

Наконецъ, уже къ вечеру Атонія вытащилъ одну маленькую рыбку, но когда онъ сталъ ее снимать съ крючка, вдругъ сказала она ему:

— Отпустите меня на волю, добрые люди, пойдемте за мною въ Океанъ. Тамъ свободно и просторно и я царица неисчислимаго количества рыбъ.

— Мы не ѣли весь день! — отвѣтилъ ей Хууири. — Не рыбы ли кормятъ насъ? Если ты дѣйствитекьно рыбья королева, для чего же ты попалась сама, а не послала на свое мѣсто какую-нибудь изъ тебѣ подвластныхъ?

— Ахъ! Червякъ на крючкѣ такъ вкусно извивался.

Мнѣ показалось, что ему нѣтъ конца — и я захотѣла его съѣсть.

Ага! — воскликнулъ Атонія, смѣясь. — А знаешь ли, что ты съѣла моего старшаго брата? Это онъ обратился въ червяка и нырнулъ, а ты его проглотила.

— Это чрезвычайно непріятно! — сказала рыбка печально. — Тогда, конечно, я готова покориться своей судьбѣ. Но вмѣсто одного погибшаго брата я хочу дать тебѣ новыхъ трехъ. Когда изжарите меня и съѣдите, закопайте мои кости передъ дверью вашего дома и вы увидите чудо. Родятся у твоей жены Хуури три близнеца заразъ, у собаки твоей три щенка и у твоей лошади три жеребенка. И будетъ между ними всѣми великая дружба.

Еще не вѣря въ то, что онъ услышалъ, закопалъ Хуури рыбьи кости — и, дѣйствительно, чудо совершилось: рыбка не солгала.

Прошли года и вотъ умеръ Хуури и умерла и его жена. Атонія заступилъ мѣсто отца своимъ братьямъ, всегда неразлучнымъ, какъ три орѣха, сросшіеся вмѣстѣ.

И наступило время, когда они возмужали. Звѣздной ночью однажды на мараэ братья, подавъ другъ другу руки, поклялись свѣтомъ звѣздъ, Пипири-Ма, дѣтей, улетѣвшихъ на небо, что въ нужный часъ они пожертвуютъ другъ для друга жизнью.

Далъ Атонія каждому изъ нихъ по копью, каждому коню — по плетеной уздечкѣ, каждой собакѣ — по дорогому ошейнику.

Вскорѣ одинъ изъ братьевъ, осѣдлавъ своего коня, поѣхалъ въ путешествіе на другой конецъ острова, за четыре дня пути, и, заблудившись, вступилъ въ темное мѣсто. Тамъ стояли папоротники, величиной съ пальмы. Тамъ пѣли странныя птицы. И впереди, черезъ лѣсъ, кто то невидимый для глаза, быстро несъ

синій огонь и казалось, что огонь самъ собою скользитъ по воздуху.

Полюбопытствовалъ братъ такому чуду, поскакалъ за нимъ на своемъ конѣ и очутился у высокой скалы съ ведущей внутрь дверью.

Привязавъ коня, онъ толкнулъ дверь; тутъ собака его завыла жалобно и бросилась лизать ему руки, не пуская ко входу. Крикнувъ на нее, путникъ вступилъ подъ своды. Старая отвратительная женщина, плетшая волосяную циновку, заперла за нимъ дверь.

— Иди сюда, юноша, не бойся, — гнусавя, сказала ему старуха. — Ты пришелъ въ царство, гдѣ никто не знаетъ ни труда ни заботъ. Меня, изъ милости, поставили вотъ здѣсь у входа. Отправляйся впередъ — и ты увидишь волшебное озеро, гдѣ плаваютъ рыбы, каждая съ жемчужиной во рту. Тамъ растутъ хлѣбныя деревья, съ такими вкусными плодами, что легкіе духи ежевечерне слетаютъ къ нимъ съ облаковъ, желая насладиться ими. А наши дѣвушки, красивѣйшія на свѣтѣ, поютъ о томъ, какъ узнать, что значитъ истинная радость жить.

Прельщенный старухою, двинулся юноша впередъ и увидѣлъ массу огромныхъ комнатъ, проходовъ и галлерей, высѣченныхъ въ скалѣ — и вскорѣ потерялъ всякое представленіе о томъ, гдѣ онъ вошелъ въ это странное царство.

Наконецъ, достигъ онъ и озера, отливавшаго краснымъ свѣтомъ. Но тамъ не было ни рыбъ съ жемчужинами, ни дѣвушекъ и ихъ пѣсенъ.

Это было Озеро Слезъ.

Вокругъ него, скованные цѣпями, томились другіе юноши, плача.

— О чемъ вы рыдаете, братья? — воскликнулъ съ болью пришедшій.

— О томъ, что мы никогда, никогда не увидимъ

болѣе солнца, — отвѣтили они ему, съ тоскою. — Скажи, скажи намъ — все ли еще такъ же цвѣтутъ цвѣты на волѣ и вѣтеръ надуваетъ паруса и треплетъ волосы у ѣдущихъ по океану? Такъ же ли онъ могучъ, какъ всегда — повѣдай намъ о немъ, осужденный. Тебя ждетъ такая же судьба, какъ и насъ. Она убиваетъ насъ, страшная вѣдьма, себѣ на обѣдъ и изъ волосъ убитыхъ плететъ себѣ циновки.

Бросился юноша бѣжать, но тотчасъ же, неизвѣстно какъ, былъ окованъ цѣпями.

Высокая страшная птица на длинныхъ ногахъ подошла къ нему и сказала:

— Ты жирный. Мой клювъ расколетъ тебѣ голову. Готовься спать... и онъ упалъ въ безпамятствѣ.

Черезъ нѣсколько дней, обезпокоенный его отсутствіемъ, второй братъ поѣхалъ на поиски и также увидѣлъ синій огонь, приведшій его къ скалѣ. — Тамъ, похудѣлая, рвала траву лошадь и собака плакала, положивъ морду на лапы. Выйдя по переходамъ къ Озеру Слезъ и увидѣвъ брата, еще живого, онъ бросился ему на шею, отъ радости.

— Какая счастливая встрѣча! — захихикала вѣдьма злобно. — Теперь вамъ вдвоемъ будетъ веселѣе сидѣть — и сковала ихъ вмѣстѣ тою же цѣпью.

... О, какъ горько плачутъ плѣнники надъ Озеромъ Слезъ!.. Какъ плачутъ горько!..

... И насталъ день, когда пришла очередь для ранѣе пришедшаго брата быть убитымъ.

Въ это время уже скакалъ къ скалѣ третій братъ.

Увидѣвъ двухъ коней и двухъ собакъ у воротъ, онъ все понялъ и, оставивъ свое копье, далъ его сторожить собакѣ.

— Слушай мой свистъ! — сказалъ онъ ей тихо. — Когда я тебя позову, принеси въ зубахъ мое копье, — и онъ смѣло вошелъ въ преисподнюю.

— Здравствуй, прекрасная! — весело крикнулъ онъ безобразной колдуньѣ, ткавшей циновку, — наконецъ-то мнѣ привелось увидать твою красоту.

— Правда ли, что я ужъ такъ красива — съ довольной ужимкой отвѣтилъ польщенный уродъ.

— Если бы ты не была красива, — для чего же мнѣ было и пріѣзжать сюда? Я бесѣдовалъ съ подземнымъ вѣтромъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что многихъ юношей погубила твоя красота. Говорятъ, ты ихъ берешь и связываешь цѣпями. Бери же меня добровольно. Я — твой. Видишь — я даже пришелъ къ тебѣ безоружный.

Полюбилась вѣдьмѣ необычайная рѣчь и она, раздвинувъ огромный ротъ, отвѣтила, гнусавя:

— Если ужъ ты все знаешь про меня и я не противна тебѣ — будь, пока, хранителемъ моихъ сокровищъ, гдѣ я берегу человѣческое мясо для ѣды. Сегодня вечеромъ будетъ у насъ къ обѣду жирный гусь. Иди, знакомься съ моими владѣньями.

Когда пришедшій увидѣлъ своихъ скованныхъ братьевъ, онъ, нѣмѣя отъ ярости, тонкимъ свистомъ позвалъ къ себѣ собаку. Та скакнула къ отверстію стѣны и бросила черезъ него копье въ темноту.

Встревоженная радостнымъ крикомъ плѣнниковъ, вѣдьма, вооруженная длинной иглою, вбѣжала къ озеру, крича объ измѣнѣ.

— Лалла! Лалла! — закричала вѣдьма на непонятномъ языкѣ, призывая своихъ духовъ, и съ размаху бросила въ брата свою иглу. Но едва игла ударилась о копье — тотчасъ же согнулась, какъ паучья лапа. Копье было заколдовано.

Убилъ братъ вѣдьму, собаки разорвали тѣло ея, и заключенные вышли на свободу, ликуя отъ радости.

Сѣли братья на коней и поскакали въ путь.

Было еще темно, въ лѣсу мѣшались тѣни, но первая заря уже занималась тамъ, гдѣ живутъ боги.

Братья скакали, вдыхали свѣжій вѣтеръ ночи и сердца ихъ умягчались, какъ сладкіе плоды: они думали о томъ, какъ прекрасенъ міръ и какъ волшебна человѣческая жизнь, когда любовь и преданность выводятъ изъ темницъ и освобождаютъ отъ смерти.

И не замѣтили братья, какъ путь ихъ сталъ необычаенъ. Вдругъ стали они легкими, какъ вѣтеръ, кони ихъ быстрыми, какъ ураганъ, а, заглянувъ внизъ — увидѣли, что скачутъ по облакамъ, уже розовѣющимъ отъ солнца.

— Что ты сдѣлалъ съ нами, богъ Оро? — закричали они въ ужасѣ. — Спусти насъ книзу! Насъ ждетъ тамъ Атонія, нашъ старшій братъ.

— Не пущу, — отвѣтилъ имъ мудрый богъ просто. — Скачите надъ океаномъ отъ одного острова къ другому, чтобы люди, видя васъ, познали радость жертвы для другихъ и слѣдовали вашему примѣру.

...Посмотри, какъ красиво небо въ этотъ часъ!

Вотъ, они скачутъ тамъ, три всадника, облитые розовымъ свѣтомъ!

ЛЕГЕНДА О ХИРО, СВѢТѢ ВЕЧЕРА, БЕЗСМЕРТНОМЪ ГЕРОѢ.*)

I.

Утромъ, еще до восхода солнца, королева Файману выходила изъ своего дворца къ океану, спокойному, какъ спящій ребенокъ, садилась на прибрежный камень и любовалась, какъ разсвѣтъ зажигалъ въ небѣ свои алые и розовые огни. Быстро вспыхивали, разгораясь, облака. Вставалъ новый день. Мирную тишину нарушалъ ровный плескъ веселъ; рыбаки выѣзжали на работу, — и, показывая примѣръ труда, королева шла на рѣку и сама стирала свое бѣлье подъ густыми деревьями и пѣла безпечно.

*) Хиро — любимый герой Полинезіи. Отчаянно отважный богатырь и морякъ, Хиро, чья жизнь положила начало мифу, существовалъ въ дѣйствительности, родившись приблизительно въ 1250 - 1275 г.г. На островахъ Товарищества его называютъ Hiro, въ Раратонга — Iro, въ Новой Зеландіи —Whiro.

Однажды работала она вотъ такъ у рѣки и не замѣтила, какъ съ большой сверкающей тучи, плывшей совсѣмъ низко, спустился на яблоню Айэтъ волшебникъ Моэтроури и спрятался въ ея листвѣ, любуясь красавицей.

Съѣвъ нѣсколько плодовъ съ дерева, онъ лукаво бросилъ ихъ косточки въ рѣку.

Косточки поплыли по водѣ. Файману, любопытствуя, взглянула наверхъ — и тутъ увидѣла улыбающееся лицо волшебника.

— Здравствуй, королева, — сказалъ ей Моэтроури — ты любишь смотрѣть на ранніе разсвѣты на океанѣ, но ты прекраснѣе, чѣмъ они. Ни одинъ цвѣтокъ не можетъ сравниться съ тобою по красотѣ. Хочешь быть моей женою? У меня есть волшебный гротъ, гдѣ столько же сокровищъ, какъ у тебя — улыбокъ.

— Для чего же мнѣ тогда твои сокровища? — засмѣялась королева. — И какъ я могу вѣрить тебѣ? Четыре лѣта тому назадъ у меня былъ мужъ, говорившій, что онъ добрый волшебникъ, но онъ оказался совсѣмъ злымъ.

— Знаю! — отвѣтилъ Моэтроури. — За то, что онъ былъ слабъ и поддался власти колдуна Ана, онъ теперь превращенъ въ морскую птицу, что никакъ не можетъ достичь земли и свить себѣ гнѣздо. Птица носится надъ океаномъ и кричитъ въ тоскѣ о помилованіи. Она будетъ прощена только черезъ три тысячи лунъ.

— Какъ можешь ты знать это? — испуганно спросила Файману.

— На легкой тучѣ я объѣзжаю всѣ острова и ваша жизнь открыта мнѣ, какъ незапертый домъ, королева.

— Что же дѣлаешь ты, волшебникъ?

— Мой трудъ радостенъ, какъ сама жизнь. Я при-

зываю плодородіе на ваши долины и лѣса. Иногда я прихожу къ Меріо, королевѣ радугъ, и прошу ее пролить дождь тамъ, гдѣ была засуха. Въ моей рукѣ есть копье, невидимое для тебя. Когда на океанѣ гудитъ буря и корабли близки къ гибели, я мчусь впереди нихъ, отгоняя отъ нихъ Повелителя Вѣтровъ, страшную птицу Танэ-Фенуороа. Едва я касаюсь его своимъ копьемъ, онъ улетаетъ въ безсильной ярости, буря утихаетъ и корабли продолжаютъ свой безопасный путь.

— Ты мнѣ нравишься, волшебникъ! — воскликнула заинтересованная Файману. — Я люблю существа, дѣлающія добро. Но покажи же мнѣ свою силу, если ты доподлинно великъ!

Едва успѣла она промолвить это, какъ увидѣла себя въ заколдованномъ саду. Невѣдомыя деревья вставали надъ нею, подобныя огромнымъ зеленымъ скаламъ. Голубымъ огнемъ текли воды рѣки, гдѣ Фейману стирала свое бѣлье. Деревья сбросили ей подъ ноги свои цвѣты по пути въ гротъ невиданныхъ сокровищъ. Моэтроури ждалъ ее тамъ, одѣтый въ лунный свѣтъ, и, какъ женихъ, увѣнчанный цвѣтами.

— Вотъ я показалъ тебѣ свою силу, королева, — склоняя голову, прошепталъ онъ. — Отвѣть же: хочешь ли ты быть моей женой?

— Не раньше, когда ты сдѣлаешь такъ, чтобы пальмы принесли моему народу двойной урожай, а хлѣбныя деревья дали втрое — засмѣялась королева, захлопавъ въ ладоши отъ радости, что она придумала такую неисполнимую вещь, и вдругъ замолчала изумленно. Всѣ дальніе пальмовые лѣса своего острова открылись ей такъ, словно они были съ нею рядомъ.

Уже созрѣвшіе орѣхи падали съ нихъ на землю; новые, появившись, внезапно наливались, отягощая

верхушки кронъ. Вѣтви хлѣбныхъ деревьевъ гнулись отъ тяжести плодовъ.

И, не вѣря чуду, пѣлъ отъ радости ея народъ, неся домой собранные плоды въ огромныхъ зеленыхъ, сплетенныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ, корзинахъ.

...Такъ побѣжденная, Файману сдѣлалась женою волшебника... На долго ли? Человѣческое счастье непрочно, какъ листъ паити на вѣткѣ. Вѣтеръ дунулъ и снесъ листъ въ океанъ.

Однажды душнымъ вечеромъ сизая буря гуляла по морю и издали звенѣли крики. Тамъ гибли рыбаки.

Въ поспѣшности, Моэтроури кликнулъ кличъ, — сверкающее облако слетѣло къ нему и онъ унесся подъ тучи.

Огромная черная птица вылетѣла оттуда ему навстрѣчу. Между облакомъ бѣлымъ и чернымъ завязался бой. Вскорѣ же Моэтроури, растерзанный, упалъ передъ дверями грота, передъ дрожащей отъ ужаса Файману. Онъ едва дышалъ.

— Я забылъ свое копье, полоненный твоею любовью, — прошепталъ онъ ей просто, — и я сейчасъ умру, Файману. Вотъ духи, служившіе мнѣ, приходятъ воскресить меня, но я не хочу безсмертія для себя, жена моя. Пусть сохранятъ они эту власть для нашего дитя. Слушай меня. У долины Фоти-Пурау, на горѣ Тетуно, растутъ сладкій картофель, игнамъ и таро. Чудная сила таится въ нихъ. Свари по каждому изъ этихъ плодовъ, съѣшь — и ты будешь имѣть сына, болѣе могущественнаго, чѣмъ я. Прощай.

И раскрылась скала, на которой лежалъ Моэтроури, сама собой, и бережно приняла въ свои глубины недвижное его тѣло.

Вскорѣ оттуда, изъ кустовъ молодого папоротника, выпорхнула огромная бабочка, цвѣта зари, и помча-

лась въ направленіи острова Тубои-Ману. Буря еще ревѣла.

Королева пришла во дворецъ, словно вернувшись послѣ долгаго пути. Видъ ея былъ страшенъ.

На другой день она послала слугъ на гору Тетуно за плодами, съѣла ихъ — и, дѣйствительно, вскорѣ родился у нея сынъ Хиро.

Такъ появился первый герой на океанѣ.

Слушайте о немъ, люди!

Дни приходятъ и уходятъ, время смываетъ поколѣнія и роды, какъ умершія раковины волны смываютъ съ песка; человѣческія дѣла подобны водорослямъ, высушеннымъ на солнцѣ.

А кто изъ умудренныхъ правдою прожитыхъ лѣтъ не знаетъ того, что сдѣлалъ Хиро? Слушайте, люди!

Рѣка уплываетъ въ море и не счесть воды, что она беретъ изъ безплодной почвы, но не сякнетъ вода и питаетъ поколѣнія во вѣки вѣковъ. Такъ не сякнетъ слава героевъ.

О, Хиро, побѣдитель чудовищъ, сіяющій свѣтъ, — о тебѣ мы поемъ вечернія наши пѣсни!

II.

Когда Хиро сталъ ходить, Файману помѣстила его въ особый дворецъ, окруженный тѣнистымъ садомъ. Водопадъ лиловыхъ розъ падалъ съ его стѣнъ на головы огромныхъ панданусовъ, упиравшихся въ землю десятками ногъ.

Маленькіе зеленые попугаи, порхая между деревьями, учили Хиро птичьему языку, перенятому ими отъ

пестрыхъ колибри, что живутъ на дальнихъ островахъ, отъ розово-изумрудныхъ фруктовыхъ голубей, отъ сказочныхъ серебряныхъ птицъ — Итатаэ.

Суровая скала, царапая небо своими зубьями, поднималась за дворцомъ.

За нею, на обугленныхъ деревьяхъ, висѣли тысячи круглыхъ черныхъ грушъ.

Молчаніе. Молчаніе спало, спало на зубьяхъ горы, какъ сторожевой звѣрь.

Какъ-то зеленый попугай слеталъ туда и, вернувшись, заболталъ возбужденно о томъ, что тамъ онъ увидѣлъ самого колдуна Ана, безглазаго, съ подвижнымъ носомъ, длиннымъ, какъ ванильный стрючекъ, и что не груши висятъ на деревьяхъ, а летучія мыши страшнаго размѣра. Вечеромъ онѣ поднимаются черной стаей и самъ колдунъ летитъ впереди нихъ, ища добычи. Иныхъ онъ убиваетъ, иныхъ околдовываетъ и заставляетъ себѣ служить, иныхъ превращаетъ въ нетопырей, не видящихъ свѣта.

И былъ день, когда игралъ Хиро въ саду съ тремя своими братьями и летучая мышь, величиною съ домъ, набросилась на дѣтей и потащила ихъ за собою.

Вырвался Хиро, укусивъ ее за лапу, но братья очутились на страшной горѣ. Очарованные тайной властью, они уже не захотѣли возвращаться оттуда обратно.

...Они пили тамъ темныя зелья, дарующія забвеніе прошлыхъ дней.
Они видѣли странное царство, призрачный міръ тѣней,
Тамъ злоба пѣла имъ пѣсни — они уходили за ней...

III.

Спустившись однажды съ зубцовъ своихъ скалъ, братья закричали Хиро странными чужими голосами, подобными писку летучихъ мышей:

— Завтра утромъ мы выйдемъ на берегъ съ новой игрушкой; гонимая вѣтромъ, она заскачетъ по волнамъ, какъ летучая рыба. Хочешь биться объ закладъ? Если твоя мать сдѣлаетъ такую же, лучше нашей, — мы вернемся домой. Если нѣтъ — ты идешь на гору вмѣстѣ съ нами, Хиро.

—Бьюсь объ закладъ! — крикнулъ Хиро и, прибѣжавъ, разсказалъ все королевѣ.

...Поздно вечеромъ, передъ костромъ, колдунъ дѣлалъ игрушку.

— Смотрите на огонь, смотрите на огонь, глупыя дѣти, — шепталъ онъ окружавшимъ его братьямъ.— Когда онъ раздвоится — значитъ кто-то насъ подсматриваетъ, тогда тушите, тогда скорѣе тушите костеръ.

Вдругъ огонь вспыхнулъ синимъ пламенемъ и раздвоился, какъ языкъ огромной ящерицы.

Среди криковъ, писка летучихъ мышей и треска разбрасываемыхъ угольевъ со скалы въ страхѣ убѣгало человѣческое существо: это была мать Хиро, уносившая съ собою, подсмотрѣнную ею тайну устройства игрушки.

Придя домой, она взяла три листа пальмы и одинъ листъ дерева мапэ, связала ихъ вмѣстѣ особымъ способомъ, назвала игрушку Тити-Райна и благословила Хиро на состязаніе.

Утромъ ребенокъ побѣдилъ братьевъ, но вмѣсто того, чтобы идти вслѣдъ за нимъ во дворецъ, тѣ, схвативъ камни, убили Хиро и, закопавъ его въ прибрежный песокъ, убѣжали на свои скалы.

Случилось такъ, что добрые духи Моэтроури пролетали въ это время надъ островомъ и, увидѣвъ Хиро убитымъ, возвратили ему жизнь.

— Что вы дѣлаете сейчасъ, духи? — спросилъ Хиро, поднимаясь.

— Послѣ смерти нашего повелителя мы летаемъ изъ конца въ конецъ и плачемъ надъ скалою, что его скрыла. Мы не знаемъ, что намъ дѣлать!

— Слѣдуйте за мною! — воскликнулъ ребенокъ. — Когда я подросту, я дамъ вамъ работу. — И духи полетѣли за нимъ свѣтлой вереницей.

— Ты побѣжденъ, дитя мое! — закричала королева, еще издали, видя Хиро безъ братьевъ.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ ребенокъ мрачно. — Они побиты, но не сдержали своего слова.

— Почему же ты весь въ пескѣ, дитя мое?

— Я спалъ на берегу, утомленный солнцемъ! — отвѣтилъ Хиро, не желая огорчать свою мать поступкомъ ея дѣтей и краснѣя оттого, что сказалъ неправду.

— Почему же кровь на твоемъ лицѣ? — спросила Файману въ испугѣ. — Ты раненъ, дитя мое?

— Мать! я не могу лгать тебѣ! — воскликнулъ Хиро и повѣдалъ королевѣ то, что случилось съ нимъ въ это утро.

IV.

И прошли года, блестящіе, какъ крылья птицъ, освѣщенныхъ солнцемъ.

Рождались и умирали люди. Ночью вспыхивали и погасали костры, бури гудѣли на морѣ, каждый ве-

черъ и каждое утро небо полнилось безмѣрнымъ огнемъ, каждое рожденіе несло радость и горе, старые деревянные боги дремали на мараэ...

И сталъ Хиро великъ, какъ скала, и мужественъ, какъ видъ океана. Ему исполнилось 16 лѣтъ.

Перегнувшись однажды черезъ трещину скалы на лугъ, гдѣ Хиро игралъ, пробивая копьемъ своимъ необъятные баньяны и, услышавъ его могучій шагъ по долинѣ, Ана, мрачный, удалился въ пещеру и думалъ тамъ два дня.

На третій онъ вышелъ и сказалъ братьямъ:

— Если дерево около дома растетъ слишкомъ глубоко — оно выворачиваетъ его стѣны и тогда его нужно срубить. Не силою, такъ хитростью возьмемъ Хиро. Идите внизъ, просите у него прощенія за старые грѣхи и несите ему мои дары съ низкимъ поклономъ.

И братья, осыпавъ одежды свои пепломъ, спустились къ долинѣ, опустивъ глаза въ знакъ своей вины.

Впереди нихъ бѣжали стада мышей, что могли прогрызать горы. Онѣ согласно махали хвостами изъ стороны въ сторону и, ставъ на заднія лапы, пропѣли развеселенному Хиро привѣтственную пѣснь.

За ними ползли свѣтящіеся червяки, украшенные разноцвѣтными фонарями.

За червяками порхали черныя ночныя бабочки и, наконецъ, позади ихъ, нагруженная тяжелыми «феи». плыла колесница братьевъ, умолявшая Хиро придти на пиръ.

V.

...Вечеромъ, едва луна уронила на пальмы свои сверкающіе волосы, барабаны загудѣли на горѣ, гдѣ волшебно выросъ посаженный Ана лѣсъ древовидныхъ папоротниковъ.

Душистые вѣнки изъ цвѣтовъ тіарэ, повѣшенные на его носъ, какъ на вѣшалку, закрывали безобразіе колдуна.

Когда праздникъ перешелъ уже на вторую половину, Ана засопѣлъ и хитро промяукалъ веселившемуся гостю:

— Узнавъ, что ты будешь на пирѣ, все населеніе окрестныхъ деревень пришло ко мнѣ — и къ утру у меня уже не будетъ мяса. Голосъ твой — какъ шумъ рѣки въ ущельи послѣ дождя. Кликни-ка кличъ, Хиро. Пусть самый смѣлый изъ моихъ гостей пойдетъ на охоту. По близости отъ насъ ходитъ довольно-таки крѣпкій кабанъ.

Я самъ схожу за нимъ, — готовно сказалъ Хиро, поднимаясь.— Я радъ освѣжить тѣло свое на охотѣ. Я слишкомъ долго сидѣлъ неподвижно, — и веселый и безоружный вышелъ въ путь.

Вскорѣ услышалъ онъ мощный топотъ, колыхавшій холмы, подобно землетрясенію; это, взрывая камни, мчался на него кабанъ, огромный, какъ гора.

— Стой! — закричалъ охотникъ. — Куда торопишься? Или плясать спѣшишь? Тогда попляшемъ вмѣстѣ! — И, кинувшись навстрѣчу звѣрю, схватилъ его за уши и подбросилъ подъ облака, какъ бросаютъ камень. Кабанъ упалъ, сраженный о скалы.

Насвистывая въ темнотѣ и ломая пальмы по пути, Хиро притащилъ тушу на пиршество.

О, визгъ испуганныхъ женщинъ и плачъ дѣтей!

— Спасибо, — запищалъ колдунъ, чернѣя отъ злости, какъ увядшій листъ. При этомъ носъ его невольно опустился книзу и съ него посыпались всѣ вѣнки. — Спасибо, дружокъ. Теперь у насъ хватитъ мяса, но еще пришло много народа, а вся кава моя уже выпита. Я знаю, что ты усталъ отъ охоты и я не обращаюсь къ тебѣ. Но вотъ тамъ, на горахъ, растутъ корни кавы, настолько чудесной, что ты никогда не видѣлъ подобной, Хиро. Скажи мнѣ — кого мнѣ послать за корнями?

— Меня! — улыбнулся герой и безпечно пошелъ на поиски.

Только-только спина Хиро скрылась въ темнотѣ, какъ колдунъ, вереща отъ радости, вскочилъ со своего мѣста и заплясалъ бѣшеный танецъ. Ликовалъ же онъ о томъ, что Хиро на этотъ разъ пошелъ на вѣрную смерть.

Тѣмъ временемъ, въ раннемъ свѣтѣ зари, путникъ увидѣлъ на утесѣ странный лѣсъ. Огромныя вѣтви деревьевъ безпокойно двигались по всѣмъ направленіямъ, хотя вѣтеръ дремалъ и кругомъ было тихо.

Подкравшись ближе, охотникъ убѣдился въ чудѣ, еще невиданномъ на землѣ: лѣсныя деревья оказались ногами огромной сороконожки, лежавшей на спинѣ и старавшейся перевернуться на брюхо.

Полный радости битвы, Хиро вскрикнулъ и въ удальствѣ прыгнулъ на звѣря; мгновенно тысячи лапъ охватили его, какъ клещами.

Кровь брызнула изъ Хиро.

— Если ты плохо ползала до сихъ поръ, я покажу тебѣ, какъ нужно бѣгать, — засмѣялся онъ и, раскачавшись и сваливъ сороконожку съ утеса, вмѣстѣ съ нею, волчкомъ, покатился внизъ по обрыву.

Въ ущельи мертвой рѣки закончился ихъ бой. Вырвавъ стволъ пальмы, охотникъ намоталъ на него

панцырное туловище звѣря и, взваливъ пальму на плечи, зашагалъ обратно.

Справляя преждевременную смерть своего гостя, колдунъ все еще продолжалъ плясать на пиру дикій свой танецъ.

Услышавъ радостный крикъ гостей и голосъ самого Хиро, онъ подпрыгнулъ и закричалъ въ ужасѣ: Проклятіе! — Всѣ замолчали. Тишина, глубокая, какъ въ подземельи, остановилась надъ пиршествомъ. — Неужели онъ убилъ моего лучшаго слугу! — еще сильнѣе заверещалъ колдунъ и, вдругъ раздувшись, какъ рыбій пузырь, лопнулъ и разорвался на мелкія части.

Тотчасъ же всѣ летучія мыши, висѣвшія на деревьяхъ, съ визгомъ поднялись къ небу и умчались съ острова неизвѣстно куда; братья Хиро убѣжали въ ущелья, въ страхѣ. Но снова забили барабаны, полились пѣсни: Хиро остался праздновать на горѣ.

Десять дней шелъ пиръ. На одиннадцатый — герой спустился къ лагунѣ и увидѣлъ въ ущельи братьевъ, выкладывавшихъ себѣ новую печь. Захвативъ два холма свѣжей земли, Хиро швырнулъ ихъ и завалилъ ими всю работу братьевъ.

— Не слишкомъ ли нахально ты гордишься своею силой! — жалобно заплакали братья. — Стыдись! Мы работали надъ печью восемь дней.

— А мнѣ было цѣлыхъ пять лѣтъ, когда вы убили меня и закопали въ землю. Теперь судите, какой казни вы были достойны за это, если теперь вы осмѣливаетесь негодовать на то только, что я закопалъ вашу печь?

И, грустный, отошелъ по берегу.

На разсвѣтѣ онъ сталъ удить. Еще не пѣли птицы. Еще не шумѣли раковины, вѣтры и морскіе пески. Одинъ голосъ сосѣдней горы горько звенѣлъ въ ти-

шинѣ. Стоя въ водѣ, вдалекѣ отъ сосѣднихъ скалъ, она горько жаловалась на свое одиночество:

—Сотни вѣковъ идутъ надъ землею.
Для меня они какъ одинъ день.
Ноги мои отяжелѣли
И я уже не могу ходить.
Кто сжалится надъ бѣдной горою?
Кто соединитъ меня съ моей семьей?

— Что же, это дѣло нетрудное — промолвилъ Хиро и, быстро набросивъ крючекъ, потянулъ ее на удочкѣ къ берегу.

Неожиданно съ ближайшаго дерева весело заголосилъ пѣтухъ.

И произошло необычайное. Мгновенно окаменѣвъ, удочки Хиро превратились въ рифъ, а крючекъ его въ скалу — ту, что можно видѣть и понынѣ.

— Куку-реку! — кричалъ пѣтухъ, хлопая крыльями. — Мнѣ дана власть разрушать чары всѣхъ волшебниковъ, добрыхъ и злыхъ.

— Такъ ты, сильнѣе меня! — удивился герой.

— И дальше тебя вижу. Поднимись на эту гору и ты скажешь, что я не лгу.

Полный любопытствомъ, Хиро поднялся на вершину и увидалъ собраніе чудовищъ; они были страшны, какъ морскіе драконы и изогнуты, какъ сухіе корни, вырванные изъ земли.

И самое отвратное изъ нихъ, покрытое струпьями, шептало, таинственно ворочая головой:

— Я пошлю на людей проказу. На бѣломъ кораблѣ пріѣдетъ мой посолъ и люди этихъ острововъ будутъ обглоданы мною, какъ собака обгладываетъ кости труповъ.

— О-о! — хрипѣлъ другой, двигая своими впалыми и красными щеками. — А я наведу на нихъ такую

болѣзнь, что они будутъ кашлять, кашлять и изойдутъ кровью. И чѣмъ больше они будутъ страдать — тѣмъ прекраснѣе покажется имъ жизнь. И въ часъ смерти они станутъ благословлять вселенную, проклиная.

— Давайте метать жребій! — кричалъ третій духъ съ бѣльмами на глазахъ. — Неплодородіе! Моръ! Убійство! Война! Пусть вода лагунъ превратится въ ядъ и острова — въ черные уголья, съѣденные дымомъ. Жребій! Жребій! Жребій!

Но чудовища не успѣли кончить. Въ ущельи загудѣлъ обвалъ — скала, вырванная Хиро, задавила всѣхъ духовъ.

Въ этотъ мигъ на небѣ, полномъ золота, брызнулъ ослѣпительный закатъ.

Всѣ острова, залитые сверканіемъ, сіяли, какъ розовые призраки, какъ свѣточи, зажженные между небомъ и водой.

Сѣлъ на землю Хиро и залюбовался на этотъ великолѣпный, разстилавшійся передъ нимъ міръ.

Тѣнь подходившей дѣвушки упала ему на плечи.

Дѣвушка прошептала ему:

— Не гони меня съ гнѣвомъ, пощади меня! Много дней въ тоскѣ я искала тебя, съ той самой ночи, какъ ты убилъ кабана и освободилъ отъ него наши долины. Какая тайна дана тебѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ ты появился на землѣ, вечера наши стали волшебнѣе и огненнѣе закаты. Говорятъ, ты даруешь счастье людямъ. О, если бы ты былъ моимъ мужемъ. Какъ бы я любила тебя!

— Была ли сама ты счастлива, вагинэ?

— О, да! — воскликнула дѣвушка, — я здорова, какъ добрая земля и всѣ любятъ меня.

— Тогда, зачѣмъ же тебѣ мое счастье? Его должна взять та, что не знала его совсѣмъ. Иди въ свою де-

ревню, пользуйся юностью твоей. И безъ меня ты найдешь себѣ хорошаго мужа.

Проводивъ опечаленную вагинэ, Хиро поставилъ парусъ на своей пирогѣ и вышелъ въ океанъ. Войдя въ лагуну, окружающую о. Бора-Бора, онъ причалилъ на маленькій островокъ Моту-Теопуа.

VI.

Бора-Бора, сладко спалъ, убаюканный ночью и цвѣточнымъ благоуханіемъ, но горькій дѣтскій плачъ разносился отъ острова по водѣ.

— О чемъ вы плачете, дѣти? — въ тревогѣ спросилъ Хиро.

— Мы не дѣти; мы бѣдныя птицы, Упуа, — услышалъ онъ въ отвѣтъ. — Мы пріѣхали сюда съ разныхъ острововъ искать руки дочки здѣшняго короля, но злой духъ, живущій въ этой скалѣ, превратилъ насъ и самое королевну въ птицъ и мы осуждены быть ими безвозвратно.

— Гдѣ же дочка короля?

— Она спрятана глубоко въ скалѣ, заключенная въ волшебную клѣтку, и страшное морское чудище стережетъ ее въ глубинѣ. У него десять роговъ, пятьдесятъ хвостовъ, двѣсти зубовъ, не счесть плавниковъ. О, выпусти превращенную королевну, герой! Намъ будетъ веселѣе летать съ нею вмѣстѣ.

Шагнувъ черезъ лагуну, Хиро подошелъ къ горѣ и приказалъ ей освободить плѣнницу.

— Не выпущу! — закричала гора. — Кто ты такой? Я сильнѣе тебя!

Въ отвѣтъ Хиро размахнулся и далъ ей пощечину. Только гулъ пошелъ по ущельямъ. Закричала гора и, сплющившись, какъ тѣсто, освободила изъ своихъ глубинъ сверкающую птицу.

Тутъ, на крикъ горы изъ воды показалось морское чудище. Забили пятьдесятъ хвостовъ, ощерились двѣсти зубовъ, навострились десять роговъ и бросились на героя, но Хиро мгновенно подхватилъ звѣря на удочку и, какъ пустую раковину, разбилъ его о скалы.

До сихъ поръ на Бора-Бора показываютъ оставленный этимъ ударомъ слѣдъ, а за горою такъ, навѣки, и осталась кличка Тара-Пайя, что значитъ — Побитая, на нашемъ языкѣ.

Послѣ побѣды Хиро высѣкъ себѣ изъ камня колоколъ и забилъ въ него, возвѣщая свой приходъ. Далеко-далеко, по всѣмъ островамъ и морямъ, по водамъ, краснымъ, какъ огонь, зеленымъ, какъ свѣжая листва, окропленная дождями, водамъ, зототымъ, какъ небо въ утренній часъ, разносился его звонъ — вплоть до священнаго моря исканій, куда вѣчно стремится человѣческая душа.

Красное море горящихъ углей, *)
Лазурное море вѣчнаго Канэ.
Пьютъ птицы изъ солнечныхъ красныхъ морей,
Изъ огненныхъ безднъ зеленыхъ сверканій.
Такъ ходятъ столѣтья, мчатся года.
И вѣчно шумитъ золотая вода
Гремящаго моря смѣлыхъ исканій...

---

*) Мотивъ одной изъ Гавайскихъ пѣсенъ.

VII.

Долго ли Хиро жилъ на Бора-Бора — неизвѣстно. Извѣстно только, что потомъ онъ поѣхалъ на о. Мопити и тамъ построилъ себѣ изъ невѣдомаго нынѣ людямъ дерева свой волшебный корабль. За одну ночь онъ облетывалъ на немъ всѣ моря — отъ вулкановъ Гавайскихъ острововъ до Новой Зеландіи, страны огня и горячихъ водъ, выбрасываемыхъ къ небу, и подъ утро счастливый высаживался обратно на берегъ, засыпая мертвымъ сномъ.

Когда сверкающій корабль Хиро появлялся изъ темноты впереди рыбаковъ, они падали отъ ужаса, принимая его, то за падучую звѣзду, то за огненнаго духа, то за самого Нинахерэ, бога морей, обозрѣвающаго свое царство.

Сами гиганты Мопити испугались могущества своего гостя и, взявъ соннаго пѣтуха, разбудили его въ то время, когда корабль Хиро еще лежалъ на берегу, готовый къ выходу; пѣтухъ запѣлъ и корабль превратился въ груду камня.

Увидѣвъ судно свое превращеннымъ, Хиро въ горѣ возвратился на островъ Райатеа и принялся за новую работу. Онъ выдолбилъ двѣ пироги, скрѣпилъ ихъ одну съ другою, чтобы судно было устойчивѣй и, приплывъ на немъ обратно на Мопити, въ тотъ же день побилъ всѣхъ гигантовъ, превратившихъ его волшебный корабль.

Сложивъ трупы ихъ, какъ дрова, на носу своего судна, Хиро повернулъ на островъ Таити.

Вечеромъ онъ присталъ къ родному своему острову Тааа; плачущіе жители встрѣтили его на берегу. Они сказали: Духъ смерти внезапно напалъ на мать твою, королеву Файману, и взялъ ее съ собою. Мы

посадили на могилѣ ея тіарэ-эйшэо. Они завяли отъ тоски. Мы посадили тамъ тіарэ-пити. И они завяли отъ горя. Кто замѣнитъ намъ королеву Файману? Даже цвѣты плачутъ объ ея потерѣ.

Печальный, шелъ Хиро съ могилы обратно къ кораблю и увидѣлъ трехъ братьевъ своихъ, убѣгавшихъ отъ него по лѣсу.

— Стойте! — закричалъ онъ имъ съ горечью. — Во имя смерти нашей матери, да будетъ миръ между нами! Я не трону васъ. Идите матросами на мой корабль.

Ночью они отчалили.

— Зачѣмъ ты ѣдешь на Таити? — спросили братья.

— Бороться съ гигантомъ Вехня - Отуа.

— И только съ нимъ?

— Бороться съ Властелиномъ Вѣтровъ, Танэ Фануороа.

— И если онъ тебя убьетъ?

— Тогда онъ, загудѣвъ, подниметъ воды выше небесъ и земля острововъ нашихъ погибнетъ въ потопѣ отъ его побѣдной радости.

— А если ты его убьешь?

— Не красиво хвастаться передъ битвою. Я усталъ и иду спать.

VIII.

Уже ночь разсыпала звѣзды и по серебряной дорогѣ наверху побѣжали небесные рыбаки, опуская въ океанъ свои удочки.

Уже около о. Эймэо пѣнилъ воду корабль и зеленыя крылья мысовъ Таити показались изъ черно-

блестящей воды, осеребренныя свѣтомъ: въ этотъ часъ надъ кораблемъ закружилась огромная птица.

Каркая, она садилась на тѣла гигантовъ, и выклевывала ихъ мясо.

Братья обезпокоенно сошли въ трюмъ и, разбудивъ Хиро, спросили его, что имъ дѣлать.

— Есть ли у птицы красное пятно подъ клювомъ? — сказалъ тотъ, поднимая голову ото сна.

— Оно горитъ, какъ уголь, это пятно.

— Тогда не троньте птицу! — промолвилъ Хиро. Это Танэ Ману, любимый вѣстникъ Властелина Вѣтровъ. Если вы убьете его — онъ разбудитъ крикомъ своего господина, тотъ прилетитъ и потопитъ наше судно, ибо на водѣ сила его болѣе моей.

Снова вышли на палубу братья. Птица, не переставая, кружилась надъ ними. Тогда, разъяренные, они ударили ее весломъ.

И страшный крикъ разбудилъ воды. Засвистѣла, закружилась буря и самъ Танэ Фенуороа изъ облаковъ набросился на корабль. Опрокинувъ судно и трубя отъ радости, онъ умчался обратно.

Очнувшись въ водѣ, Хиро увидѣлъ себя по поясъ въ океанѣ. Обломки мачтъ и остатки запасовъ тяжело качались на взбалмученной влагѣ. Только одинъ изъ трехъ братьевъ былъ еще живъ. Погибая, онъ кричалъ о помощи. Хиро помогъ брату и, снова поставивъ корабль, хмуро поѣхалъ на Таити.

На разсвѣтѣ ему встрѣтилась пирога съ тремя людьми.

— Чѣмъ вы занимаетесь, люди?

— Мы осушаемъ воду въ судахъ.

— Тогда идите ко мнѣ, у меня какъ разъ нѣтъ черпалки.

Встрѣчается имъ вторая пирога съ тремя людьми.

— Кто вы такіе, люди?

— Мы толчемъ попои для обѣдовъ короля острова Уаинэ. Ѣдемъ туда съ попоями съ Таити.

— Тогда идите ко мнѣ. Море взяло всѣ мои запасы, а мнѣ предстоитъ горячій бой.

Плотно поѣлъ Хиро передъ тѣмъ, какъ въ мѣстечкѣ Теа-Хупоо причалилъ его корабль. Тамъ, за непроходимымъ, перевитымъ ліанами лѣсомъ, спряталъ свое жилище гигантъ Вехня-Отуа.

Выломавъ изъ земли узкую каменную плиту, Хиро, какъ мечемъ, расчистилъ ею себѣ дорогу и вскорѣ дошелъ до заповѣднаго дома. Груды человѣческихъ костей были насыпаны около него вплоть до самыхъ верхушекъ пальмъ.

— Зачѣмъ ты явился сюда? — зарычалъ гигантъ, поднимаясь во весь свой ростъ.

— Биться съ тобою, потому что ты золъ, истребитель невинныхъ. Бери свое копье. Вотъ я расчистилъ бранное поле.

IX.

...Облако, красное пыльное облако, вскорѣ встало надъ горами. Отъ ужаса кричали скалы; деревья падали, примятыя и расщепленныя ударами великановъ.

Къ вечеру, взявъ въ знакъ своей побѣды, уборъ изъ красныхъ перьевъ съ головы недвижимаго Вехня-Отуа, Хиро, шагая черезъ долины и рѣки, прибылъ къ деревнѣ Папеноо.

— Гдѣ живетъ Повелитель Вѣтровъ? — спрашивалъ онъ жителей и тѣ отвѣчали ему:

— Спроси у горныхъ орловъ. Они знаютъ объ этомъ больше насъ.

— Гдѣ живетъ Повелитель Вѣтровъ, орлы? — закидывая голову въ небо, кричалъ Хиро въ нетерпѣніи.

И отвѣтили ему орлы:

— Иди по долинѣ рѣки Папеноо, по ея голубой водѣ. Пересѣки нѣсколько водопадовъ, спроси у папоротниковъ и у бабочекъ — и они скажутъ тебѣ, гдѣ живетъ Повелитель Вѣтровъ.

На полпути, чудесная бабочка цвѣта зари выпорхнула изъ-подъ земли и повела Хиро на вершину горы Аораи.

Но вмѣсто страшнаго чудовища, Хиро увидѣлъ тамъ молодую вагинэ дивной красоты. Она сидѣла на краю скалы. Глаза ея трепетали отъ счастья и страха.

— Кто ты? — прошептала она. — Все сіяніе вечера несешь ты на своихъ плечахъ за собою. Или это ты рождаешь закаты? Или это ты повелѣваешь вечернимъ огнемъ?

— Я ищу Танэ Фануороа, Повелителя Вѣтровъ, — сказалъ Хиро. — Почему ты здѣсь? Мыслимо ли, чтобы у чудовища была такая красивая жена?

— Я его плѣнница, а не жена! — зарыдала вагинэ въ ужасѣ. — И это не человѣкъ, а полуптица. Онъ заставляетъ меня щекотать ему голову, чтобы онъ заснулъ и разглаживать крылья, растрепанныя въ бою. Кто разскажетъ о моемъ страданіи? У меня уже не хватаетъ ни словъ ни слезъ отъ горя.

— Твой мучитель умретъ сегодня.

— Нѣтъ, ты даже не увидишь его. Онъ боится человѣческаго духа въ своемъ домѣ. Почуявъ его, онъ улетаетъ обратно и мутитъ воду отъ бѣшенства. И прилетаетъ онъ ночью и спитъ всего полчаса.

— Посыпли его ложе цвѣтами. Я спрячусь подъ его кровать и когда онъ заснетъ, разбужу его къ бою.

X.

Ночью, вдругъ повѣяло холодомъ и чудовищная птица, съ человѣческимъ лицомъ, влетѣла на вершину.

— Я слышу духъ Хиро! — сразу закричала птица дѣвушкѣ. — Ты впустила его ко мнѣ! Я убью тебя своею лапой!

— Какъ онъ можетъ войти сюда, повелитель; ты знаешь, что для людей пути сюда недоступны, забормотала дѣвушка въ страхѣ.

— Я слышу духъ Хиро! — закаркала птица еще сильнѣе.

— Ты много леталъ сегодня, мой господинъ, и принесъ съ собою этотъ духъ на своихъ крыльяхъ послѣ того, какъ ты разбилъ его корабль. Вотъ я устлала цвѣтами твое ложе, чтобы сонъ твой былъ сладокъ. Лягъ сюда. Я приглажу тебѣ твои перья и спою пѣсню, мой господинъ.

Успокоившись, птица заснула. Когда тяжелый храпъ ея потрясъ воздухъ, Хиро вылѣзъ изъ-подъ кровати и, закричавъ отъ радости, толкнулъ ногою спящаго врага.

Птица встрепенулась, взмахнула крыльями и взмыла подъ облака, унося съ собою и Хиро, ухватившагося за ея шею.

Такъ они летали вмѣстѣ отъ земли до неба и отъ неба до земли. Такъ застала ихъ первая заря.

Наконецъ, захрипѣлъ Танэ Фенуороа, сдаваясь:

— Спустимся на землю, Хиро, и заключимъ договоръ. Тебѣ будетъ земля, мнѣ — вода, только освободи меня и я полюблю тебя навѣки.

— Смерть освободитъ тебя! — отвѣчалъ Хиро и сжалъ сильнѣе его шею.

Такъ они летали до полдня.

Въ полдень Танэ Фануороа снова прохрипѣлъ, теряя силы:

— Если тебѣ мало земли, Хиро, я отдаю тебѣ половину океана — и закончимъ нашъ бой или — клянусь — я разорву тебя и тѣло твое брошу рыбамъ.

— Рви! — сказалъ Хиро.

Такъ летали они до вечера.

Тогда, въ отчаяніи, безумнымъ клекотомъ закричала птица:

— Пусти меня или мы погибнемъ оба! Вотъ краснымъ водопадомъ падаетъ твоя кровь въ океанъ, но я еще готовъ съ тобою помириться. Я готовъ отдать тебѣ всѣ клады, что я замѣтилъ въ морѣ, пролетая, и ты будешь самымъ богатымъ человѣкомъ на землѣ.

— Убійца моего отца! Молчи! — съ отвращеніемъ закричалъ Хиро и въ послѣдній разъ сдавилъ горло птицы.

Тутъ безсильно упали ея крылья и они оба упали на вершину Аораи.

Танэ Фануороа былъ мертвъ.

Бросилъ трупъ его далеко въ океанъ Хиро и самъ упалъ, обезсиленный отъ потери крови. Раскрывъ глаза, онъ увидѣлъ недавнюю плѣнницу своего врага, обмывавшую ему раны.

— Не умирай! — шептала она, глотая слезы. — И безъ того душа моя чернѣй моихъ косъ. Не умирай! Пусть надъ міромъ сіяетъ твой нетлѣнный свѣтъ! Я пойду за нимъ издали и пріобщусь къ твоему счастью!

— Счастлива ли была ты сама, вагинэ? — поднимаясь, слабо спросилъ ее Хиро.

Ничего не отвѣтила вагинэ, лишь упала у его ногъ, рыдая.

— Тогда пойдемъ вмѣстѣ со мною! — тихо промолвилъ Хиро. — Закатъ дня приведетъ насъ къ

иному восходу, еще не знаемому тобой. Ты испепелишь свою печаль въ его огнѣ и будешь легкой, какъ это облако. Не плачь! Пойдемъ вмѣстѣ со мною.

Встала дѣвушка. И они ушли въ неизвѣстность, въ безконечность ушли они по золотымъ огнямъ тучъ, вагинэ и Хиро — избавитель.

XI.

Гдѣ теперь живетъ онъ сейчасъ? Никто объ этомъ не знаетъ, никто не поетъ, ни вѣтеръ, ни волны, ни пальмовые лѣса, томимые зноемъ.

Но когда вечеромъ ты видишь острова, горящіе въ ослѣпительномъ огнѣ, и бирюзу лагунъ, гдѣ въ золотѣ и серебрѣ дремлютъ отраженія пальмъ, когда глаза твои слѣпнутъ отъ счастья жить — это ты видишь свѣтъ Хиро, обходящаго океанъ. Не законченъ еще его трудъ.

Безчисленные злые духи Танэ Фануороа еще донынѣ дуютъ на моря и вихрятъ воды. Но не бойтесь, вы, слабыя души людскія! Настанетъ часъ — Хиро освободитъ насъ и отъ нихъ и станутъ вечера еще прекраснѣе въ нашей счастливой землѣ.

Вотъ уже зажглись костры на берегахъ, рыбаки, вернувшись съ ловли, повѣсили на вѣтви борао свои сѣти между стволами тонкихъ пальмъ, матери принесли банановъ и дынь и плодовъ хлѣбнаго дерева и, наслаждаясь отдыхомъ, люди поютъ пѣсни про своего избавителя, называя Хиро свѣтомъ вечера — Марема Эхити-Итехейрей!

Холливудъ, Калифорнія.
31 декабря 1925.

ОКЕАНІЯ.

Дни, приносящіе свѣтъ, какъ даръ
Многонапѣвной Океаніи.
Солнце тебѣ даруетъ загаръ,
Вѣтеръ пригонитъ рыбы морскія.

Если захочешь чуда для глазъ—
Выплыви къ царству пестрыхъ кораловъ:
Тамъ бережетъ голубой хризопразъ
Рыбъ золотыхъ и рыбъ небывалыхъ.

Будетъ съ тобою радость твоя
Средь апельсиновыхъ рощъ, средь ущелій,
Быстрыхъ креветокъ возьмешь у ручья,
Изъ орхидей сплетешь ожерелья.

Лягъ же, о, путникъ, на мягкій капокъ,
Слушай, какъ пальмы серебрянымъ звономъ
Славятъ отчизну забвенья Тревогъ,
Мѣрно качаясь въ свѣтѣ зеленомъ...

Таити, 1 сентября 1924 г.

Мы мѣримъ милліоны миль.
Соленый вѣтеръ хлестко рѣжетъ щеки.
Ничто. Слѣпитъ глаза морская пыль,
Мѣшаются и вымыслы и сроки,

Глубокій вздохъ объемлетъ океанъ,
А мы плывемъ въ огромномъ полыханьи
Средь безднъ и звѣздъ, среди пространствъ и странъ
Въ міръ неосуществимаго желанья...

Таити, іюль 1924 г.

ОКЕАНІЙСКІЕ ЦВѢТЫ.

Н. Ф. Лучинскому.

Океанійскіе цвѣты —
Рапа, Таити, Магарева,
Гдѣ радугъ легкіе мосты
Низводитъ небо послѣ гнѣва,

Гдѣ, выгнувъ стройныя тѣла,
Цвѣты огромные, какъ луны,
Глядятъ въ нѣмыя зеркала
Непогасающей лагуны.

Тамъ я построилъ легкій домъ
На тихомъ берегу морскомъ.
Песокъ прибрежный солнцемъ выжженъ.
Подъ яркимъ пальмовымъ крыломъ
Чуть вьется дымъ изъ бѣдныхъ хижинъ

И дѣти около сѣтей
Играютъ съ крабами морскими...
И я, горѣвшій въ черномъ дымѣ,
Сіяю радостью дѣтей!

Таити, 11 іюля 1924 г.

ОСТРОВЪ СНОВЪ.

И островъ сновъ воскресъ намъ изъ ночи,
Какъ празднество. Въ немъ веселились дѣти.
Тамъ паучки на легкіе лучи
Карабкались, качаясь въ яркомъ свѣтѣ,
И міръ, пронзенный счастьемъ свѣтлыхъ стрѣлъ,
Благословлялъ, смѣялся и шумѣлъ,
Какъ улей пчелъ, какъ пиршество столѣтій.
Но солнце отошло къ закатнымъ снамъ,
Остановилось шумное движенье
И замерло... Лишь по нагимъ камнямъ
Потоки лились и въ изнеможеньи
Цикады пѣли въ сладкіе часы,
Да подъ луной блестѣли тускло воды
И въ небесахъ взошедшіе Вѣсы
Клонили Землю къ алому восходу...

Таити, 5 августа 1924 г.

ТАИТИ.

Качаемый бездуміемъ вѣтровъ,
Какъ онъ красивъ, немыслимый Таити!
Пироги спятъ средь пальмъ и средь цвѣтовъ,
Съ вѣтвей свисаютъ медленныя сѣти,
Прибой поетъ за кольцами лагунъ...
И мысы клонятъ синія колѣни
Къ игрѣ воды. Тамъ вѣчный сонъ временъ
Несбыточность мгновенныхъ отраженій
Низвелъ на міръ, воздвигнувъ этотъ садъ
Средь голубыхъ раздумій океана,
Гдѣ намъ изъ хижинъ радостно звучатъ
Привѣтственные окрики:
«Іорана!»

Эти дни! Этотъ свѣтъ! Надъ землей
Возстаютъ голубые отроги,
Океанъ разсыпаетъ разсолъ,
На пескѣ отдыхаютъ пироги;

И въ прозрачности зрѣя, какъ плодъ,
Съ безпечальностью безмятежной
Таитянская свѣжесть цвѣтетъ
И поетъ таитянская нѣжность...

ХУЛА - ХУЛА.

Кричали аккордеоны.
Таитянки въ рядъ, въ рядъ
Толпились во тьмѣ зеленой
Подъ крики, подъ звонъ цикадъ.

Тамъ съ радостью озвѣрѣлой
Бедрами шевеля
Крутились два смуглыхъ тѣла,
Маня — и не утоля.

Дробь громомъ сыплется въ уши,
Толпа тѣснится, реветъ,
Хохочетъ и бьетъ въ ладоши;
Улюлюканье, визгъ — но вотъ,

Подергиваясь отъ истомы,
Онъ стынетъ... и наконецъ
Нѣмѣютъ въ раскатахъ грома —
Женщина и самецъ.

Папеете, 19 августа 1924 г.

ЕГО ОКЕАНІЙСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ЧЕЛОВѢКЪ.

Король! Не мнѣ-ль принадлежитъ весь міръ?
Со мною царство свѣтлой Моореи,
Со мной неисчислимыя сіянья
Закатный блескъ, кипѣнье волнъ, свистъ птицъ,
Коралловыя горы подъ водой
И въ небѣ ликованье яркихъ радугъ.
Когда встаетъ мой огненный слуга,
Я выхожу изъ хижины моей
И собираю дань съ своихъ подвластныхъ.
Отъ солнца — свѣтъ, креветокъ — отъ ручья,
Волшебныхъ рыбъ — отъ розовой лагуны,
Отъ пальмы — масло, сокъ и молоко,
Отъ майорэ — душистый хлѣбъ полдневный,
Съ густыхъ банановъ — тѣнь и ароматъ
Нѣжнѣе ароматовъ Аравіи...
Вотъ я сижу, украшенный вѣнкомъ
Изъ ибискусовъ, розовыхъ и алыхъ...
Качайте, апельсиновыя рощи,

Видѣнья красныхъ лунъ своихъ. Баньяны,
Слоны садовъ моихъ, храните тѣнь
Полдневную... Какъ сладко
Вздыхаетъ Океанъ, мой вѣчный братъ.
Вы, голубые голуби, урчите,
Надувъ зобки, о счастьи короля
Чудеснаго. Его дворецъ — Таити.
Онъ богъ. Ему принадлежитъ Земля!

Таити, 15 сентября 1924 г.

День отошелъ въ зеленую прозрачность.
Побѣдный часъ надъ заревомъ лагунъ
Закатомъ ярко-краснымъ обозначенъ.
Замолкнулъ вѣтеръ — и упорный звонъ
Встаетъ, рыдая, съ рифовъ запѣненныхъ.
Такъ будетъ длиться эта ночь, пока
Веселый дроздъ, качнувъ росу съ цвѣтка,
Средь сонныхъ пальмъ не пробудитъ влюбленныхъ...

Таити, 2 августа 1924 г.

ВѢТЕРЪ НОЧИ.

Потоки бѣгутъ среди черныхъ камней,
Баюкая дрему у оконъ зеленыхъ.
Зачѣмъ же въ своей голубой тишинѣ,
Ты, вѣтреникъ, будишь дѣвушекъ сонныхъ?

—Затѣмъ, что люблю спать ночью у щекъ
И слушать дыханье, ихъ счастье земное,
Чтобъ послѣ цвѣты занебесныхъ дорогъ
Ловили ихъ, ставши счастливѣе вдвое.

Таити, 22 сентября 1924 г.

НОЧЬ НА 21 СЕНТЯБРЯ 1924 Г.

I.

Сумасшедшія ночи ходятъ надъ міромъ. Сибиллы
Съ глазами мутно-открытыми, съ тяжестью лунныхъ
вѣкъ,
Отдаленные звоны встаютъ. Вихри пѣли, звенѣли,
выростили
Счастье праздничныхъ водъ, сіянія яркихъ рѣкъ.

И Вода зачала родить, плясать и смѣяться.
Въ эту ночь я позналъ шальное твое колдовство,
О, сибилла морей, рожденная, чтобы отдаться,
И, отдавшись, губить сверканьемъ лица твоего!

II.

Стрѣляйте, радуйте. Луна объяла насъ.
На рифахъ пѣнныхъ ходятъ шаткимъ гуломъ
Валы морей. Благословенный часъ.
Единственный. Въ немъ радость потонула.

Пусть будетъ власть ея съ тобою въ эту ночь.
Отъ пальмъ — черно. Отъ моря — зыбко, страшно.
Свою пирогу къ корню приторочь
И слушай гулъ — какъ выстрѣлы изъ башенъ

И всхлипы водъ къ коралловымъ тѣламъ.
Тамъ, отъ высотъ, къ ликующимъ глубинамъ,
Грохочетъ жизнь — и огненнымъ рубиномъ
Изъ глазъ луны сіяетъ счастье намъ!

III.

Когда меня далъ Зачинающій Богъ,
Восторгомъ, восторгомъ вселенная пѣла.
Безумному счастью надводныхъ дорогъ
Онъ отдалъ мое ненасытное тѣло.

И вѣяли вѣтры и въ гротахъ глубинъ
Взбухали приливы, звали метели
И пиръ грохоталъ... Раздайся! Труби —
Ты, дикое счастье безмѣрныхъ веселій.

И вотъ, я такой же гремящій, какъ ты,
Въ ночи запѣваю стогласнымъ органомъ
И въ звѣздныя выси строю мосты,
За море волшебствъ, къ голубымъ океанамъ...

IV.

Бури, луна, приливы, отливы...
Встань у лагуны. Деревья черны.
Свищетъ по вѣтру богъ говорливый,
Блещетъ огнемъ съ волны до волны.

Поздно. Заройся въ мягкіе листья.
Пальмы и полночь. Лягъ, не дыши.
Слушай кузнечиковъ. Мысы и мысли —
Это одно. Лишь вѣтеръ шуршитъ...

Кажется, ходитъ, слушаетъ, роетъ
Звѣрь водяной — и съ дальнихъ морей
Жемчугомъ мечетъ лунной зарѣ
Неповторимое счастье покоя...

V.

Тебѣ. Ты спишь со мной въ одномъ краю.
Земля черна отъ полночи. Ты дышешь,
Какъ божество, спокойная. Пою,
Подъ звѣздный сонъ. Быть можетъ, ты услышишь.

Пусть обручитъ веселый океанъ
Вселенную. Тогда вдвоемъ съ тобою
Мы выйдемъ въ путь. На счастье Богомъ данъ
Намъ факелъ солнцъ надъ бездной голубою.

Когда всю жизнь, какъ солнце излучу,
Возьму тебя съ собой, творенье Божье,
И унесу, и моремъ облечу,
И радугу я дамъ тебѣ въ подножье.

Ты скажешь: былъ ты мужемъ мнѣ всю жизнь,
А я не знала, что живу съ могучимъ —
И волосы — снопы созрѣвшей ржи —
Отдашь вѣтрамъ — и побѣжишь по тучамъ.

VI.

Труби, веселіе! Все мечетъ свѣтъ, все — слава!
Закройся въ ужасѣ отъ счастья своего!
Надъ нами звѣздъ пылающая лава,
Кометы — изверги, надъ нами вѣчный вздохъ

Глухихъ глубинъ, гдѣ ночь чернѣй ущелій,
Качаетъ рыбъ и чудищъ водяныхъ
И кормитъ насъ. Тамъ ночью пѣсни пѣли
Три дѣвушки на берегахъ морскихъ.

И путаныя сѣти опуская,
Бросались въ брызгахъ въ ночь и забытье
И звали насъ. Одна была нагая
И краше всѣхъ. И я любилъ ее...

Хвали судьбу, счастливая Тиива!
Едва зацвѣлъ тяжелый борао,
Ты зачала — и кормишь у залива
Красиваго ребенка моего...

VII.

Покой вѣтровъ. Какъ гулко ночи спятъ!
Какія звѣзды вышли надъ Таити!
Вотъ Сиріусъ — онъ счастливъ и крылатъ,
Вотъ свѣтлый Оріонъ — міродержитель.

И застываетъ чистый хризолитъ
Въ лагунахъ сонныхъ... Шумъ отъ океана
И звонъ цикадъ... Пѣтухъ опять кричитъ.
Ложись въ постель — поутру встанешь рано.

Поутру — свѣжесть, зелень, бирюза,
Лученье тайнъ изъ просвѣтленной глуби —
И снова будутъ жадные глаза
Впивать лазурь, чтобъ стать еще голубѣй.

О, близкій мой! Костеръ въ ночи сожженъ.
Кричатъ дрозды и свищетъ вѣтеръ рѣзкій.
Что жъ дремлешь ты? Ты хочешь видѣть сонъ.
Перенесись въ океанійскомъ плескѣ
И пробудись у розовыхъ лагунъ,
У пиршества цвѣточныхъ водопадовъ,
И обними своимъ несытымъ взглядомъ
Просторъ морскихъ сіяющихъ дорогъ,
Весь этотъ міръ коралловъ и пирогъ,
И смуглыхъ дѣвъ, и сказочныхъ жемчужинъ,
И раковинъ, дающихъ перламутръ —
И съ солнцемъ встанешь богомъ ты, разбуженъ
Въ сверкающее счастье ясныхъ утръ.

Таити, 5 августа 1924 г.

Въ хижинѣ пѣли дѣти. Костеръ
Плавалъ въ глубокой, сладостной ночи.
Сдержанный плылъ вокругъ разговоръ,
Вѣтеръ порывный бурю пророчилъ.

А я засыпалъ на тепломъ пескѣ
И слушалъ шуршанье креветокъ и крабовъ
И сладкому пѣнью дѣтей вдалекѣ
Пѣнье раковинъ вторило слабо...

Таити, 23 августа 1924 г.

Пусть Вѣтеръ гонится за мной.
Есть жизнь въ движеньи, въ пѣньи, громѣ.
Ты, бѣшеный! играй съ волной,
Гуди въ своемъ воздушномъ домѣ!

Да будетъ черная вода
Бѣлѣй снѣговъ! Единымъ взмахомъ
Строй водяные города —
И разсыпай ихъ легкимъ прахомъ!

И пальмовые волоса
Трепля, не вѣдая пощады,
Качай дремучіе лѣса!
Срывай съ уступовъ водопады!

Хола! Вотъ зелено, черно
Подъ небомъ, въ морѣ, подъ водою —
И если сгинуть суждено —
Рви до конца! Я жилъ съ тобою!

О. Мооре а, 30 сентября 1924 г.

ПАЛЬМОВЫЙ БОГЪ.

Послѣдніе дни. Присядь подъ пальмовой тѣнью.
Прохладное счастье пахнетъ въ молодое лицо.
Отчизна счастливыхъ, содружная вдохновенью,
Сковала тебѣ свое золотое кольцо —

И ты, окруженный магическимъ пѣніемъ пѣны,
Свѣтло заколдованъ въ кораллахъ, у водныхъ дорогъ
Гдѣ свѣтлою тѣнью, зеленый и вдохновенный,
Хранитъ твое счастье Возлюбленный Пальмовый
богъ.

Таити, 27 августа 1924 г.

О, радость млечнаго пути!
Вотъ мѣсяцъ въ золотой пирогѣ
Плыветъ на насъ. Плыви, цвѣти,
Святи волшебныя дороги!

Зеленорогій звонъ ночей
Намъ расплеснетъ вино ночное;
Твоя прохлада горячѣй,
Чѣмъ это море золотое.

Пусть, заколдованъ высотой,
Міръ задохнется въ душномъ свѣтѣ,
Въ воздушной сѣти золотой,
Въ ежевечернемъ снѣ столѣтій,

Когда, возставъ изъ пальмъ, изъ чащъ
На ночь, на лунные просторы
Набросить свой горящій плащъ
Непобѣдимый воинъ Оро.

О. Мооре́а, Полинезія, 30 сентября 1924 г.

БОГЪ МОРСКОЙ.

Онъ возставалъ надъ влагой водяной
То парусомъ, то чайкой, то сиреной,
Морской звѣздой,
Кораллами, украшенными пѣной.

И раковину взявъ изъ глубины,
Онъ дулъ въ нее, сзывая вѣтръ трикраты —
И бѣгъ волны
Рубилъ суда и заплескалъ закаты.

Но, усмиривъ чудовища валовъ,
Разнѣженный, качаясь въ бѣгѣ сонномъ,
У береговъ
Онъ выплеснулся жемчугомъ зеленымъ.

Три дѣвушки, купаясь въ ранній часъ,
Нашли его — и въ ликованьи пьяномъ
Снесли, смѣясь,
Въ свой легкій домъ и пѣли подъ баньяномъ.

Тогда, злорадный, разбудивъ грома,
Онъ ночью всталъ подъ заревомъ вулкана,
Разбилъ дома,
Завылъ, взыгралъ — и взбухли океаны.

И островъ сновъ, гдѣ цвѣлъ веселый трудъ
Подъ радугами, пальмами и зноемъ —
Какъ изумрудъ
Пошелъ на дно и былъ закрытъ прибоемъ.

Но онъ не сытъ, сердитый полубогъ,
Все мчитъ свой кличъ къ земному изобилью
Съ морскихъ дорогъ
Свистя, маня своей жемчужной пылью...

Папеете, Океанія, 4 августа 1924 г.

ОКЕАНІЯ.

Мѣрное сердце Океаніи
Слушай прилежно. Гудитъ ураганъ.
Въ небѣ, кипящемъ отъ зноя, впервые
Такъ его слушалъ Альдебаранъ.

Первымъ твореньемъ, рожденнымъ изъ гула,
Необитаемый островъ возникъ.
Солнце раскрылось, ось протянуло —
Въ почвѣ соленой бьется родникъ.

Пальмовымъ лѣсомъ Богъ опоясалъ
Берегъ песчаный, коралловый гротъ,
Радостью радугъ небо украсилъ,
Мудро взлелѣялъ зачатый родъ.

Женщинамъ далъ горѣнье соблазна,
Юношамъ — силу, дѣвушкамъ — смѣхъ.
Міръ усладивши радостью праздной,
Сладкою влагой наполнилъ орѣхъ.

И загорѣлись волны морскія
Слушай ихъ вѣчно, солнцемъ одѣтъ.
Мудрое сердце Океаніи —
Счастье, Влюбленность, Свѣтъ.

Таити, 15 сентября 1924 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Острова Волшебствъ . . . . . XI-XX
Легенда о Меріо, королевѣ рыбъ и радугъ 1
Легенда о Таурахуа, ребенкѣ-совершенство. 7
Легенда о Нинахерэ, богѣ моря . . 13
Легенда о Теопуаити и о жемчугѣ, красѣ морей 17
Легенда о рожденіи хлѣбнаго дерева 23
Легенда о рожденіи Небесныхъ Дѣтей. 29
Легенда о двѣнадцати братьяхъ и объ отцѣ ихъ Маюта 33
Легенда о принцѣ Тефаѣ и о королевѣ Ночи, Роти Тирана. . . 39
Легенда объ Ароруа, вѣчно-юной странницѣ ущелій 45
Легенда о Путотоурѣ, князѣ духовъ, и красавицѣ Терай-Вагинэ 51
Легенда о рожденіи кокосовой пальмы 55
Легенда о Туривѣ, побѣдившемъ смерть. 59
Сонъ королевы Мерехуо 63
Легенда объ Островѣ Мира 69
Легенда о трехъ всадникахъ на небѣ 75
Легенда о Хиро, свѣтѣ вечера, безсмертномъ героѣ 81

Стихотворенія:

Океанія 105
«Мы мѣримъ милліоны миль» . . . 106
Океанійскіе цвѣты 107
Островъ сновъ 108
Таити 109
«Эти дни! Этотъ свѣтъ! Надъ землей» 110
Хула-Хула 111
Его Океанійское Величество, Человѣкъ 112
«День отошелъ въ зеленую прозрачность» 114
Вѣтеръ Ночи 115
Ночь на 21 сентября 1924 г.
I 116
II 117
III. 118
IV. 119
V 120
VI 121
VII. 122
«О, близкій мой, костеръ въ ночи сожженъ» 123
«Въ хижинѣ пѣли дѣти» 124
«Пусть Вѣтеръ гонится за мной» . . 125
Пальмовый богъ 126
«О, радость млечнаго пути!» 127
Богъ Морской 128
Океанія 130

ЦѢНА: ВО ФРАНЦІИ — 30 ФР.
ВЪ АМЕРИКѢ — 1 ДОЛЛ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
"EDITIONS DES AILÉS", 2, rue Louis de Coppet, NICE (France).
NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 178-2nd Avenue, NEW-YORK, U.S.A.

Y0-CWP-796